

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра гражданско-правовых дисциплин

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Заведующий кафедрой

д-р юрид. наук, доцент

Л.В. Зайцева

2022 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

магистерская диссертация

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

40.04.01 Юриспруденция

Магистерская программа «Магистр права»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

Ткаченко Юрий Алексеевич

Научный руководитель
канд. юрид. наук

Чукреев Андрей Александрович

Рецензент
И.о. председателя
Ялуторовского районного
суда Тюменской области

Балашов Иван Александрович

Тюмень
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. Общая характеристика правового регулирования предпринимательской деятельности: история и современность	
1.1. Основные этапы развития правового регулирования предпринимательской деятельности в России.....	7
1.2. Право и государственная политика в условиях перехода к цифровой экономике в современной России: общие положения.....	16
Глава 2. Правовое обеспечение перспективных направлений цифровизации предпринимательства в России	
2.1. Цифровые права, цифровые финансовые активы и цифровая валюта в предпринимательской деятельности.....	28
2.2. Перспективы развития технологии блокчейн и смарт-контракта в гражданском обороте	36
2.3. Перспективы правового обеспечения использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности.....	46
Глава 3. Отдельные направления цифровой трансформации предпринимательской деятельности в России: перспективы правового регулирования	
3.1. Обеспечение информационной безопасности предпринимательской деятельности в условиях перехода к цифровому предприятию.....	51
3.2. Перспективы правового обеспечения предпринимательской деятельности в области майнинга и оборота криптовалют.....	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	66

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всего исторического пути России, торговые отношения формировали ядро ее экономического и политического развития. Как и любое суверенное государство, Россия имеет свой уникальный опыт формирования предпринимательских отношений: от натурального обмена и бартера, купечества и дворянства до фабрикантов и коммерсантов, государственных корпораций и международных консорциумов.

Неоднократно в истории России происходили события, позволявшие в короткие сроки консолидировать трудовые и финансовые ресурсы для достижения высоких экономических показателей. Так, произошло в Киевской Руси когда приняли «Русскую правду», в 18 веке когда Петр I поддержал массовое строительство мануфактур, в середине 19 начале 20 веков с приходом отмены крепостного права и наступлением промышленной революции, ознаменовавшей этот период «Золотым веком предпринимательства в России», это происходило в последние два десятилетия 20 века, когда предпринимательское сообщество России возродилось и ударными темпами адаптировалось к современным условиям рыночной экономики. Так происходит и сейчас.

Сегодня Российская Федерация стоит на пороге всеобъемлющей цифровизации экономического пространства. В этой связи происходит параллельный процесс – цифровая трансформация предпринимательства, поскольку именно бизнес-сообщество выступает локомотивом по внедрению самых последних новшеств научно-технического прогресса в области коммуникаций и логистики, финансовой и инвестиционной деятельности. Поэтому с каждым днем все большую актуальность приобретает сфера правового регулирования этих процессов, главной целью которого выступает адаптация общественных отношений к новым тенденциям современности.

Между тем, современное бизнес-сообщество вынуждено приспособливаться к быстро меняющейся обстановке на внутреннем и

международном рынках, однако невозможно достичь положительного результата без изменения или доработки действующего законодательства не только на национальном уровне, но и на международном.

В этих условиях российское законодательство практически в большинстве областей права пришлось редактировать, подстраивая под новые реалии. На наш взгляд, эта обстановка трансформирует привычную для нас предпринимательскую деятельность в новую форму ведения бизнеса, в которой невозможно будет существовать без широкого использования информационных технологий, новых форм и способов ведения бизнеса, а также постоянному поиску уникальных алгоритмов поведения.

Актуальностью выбранной темы является её нацеленность на изучение тенденций трансформации предпринимательства в России, которые получают все большую популярность в современном бизнес-сообществе.

Чтобы лучше разобраться в процессе трансформации предпринимательства в России необходимо детальнее рассмотреть проблемы, стоящие на пути современного предпринимателя и пути их решения, которые в некоторых случаях уже применяются некоторыми представителями бизнес-сообщества по всему миру.

Новизна данной работы обусловлена анализом происходящих событий, которые имеют беспрецедентный уровень воздействия на жизнь во всем мире. Анализ складывающихся тенденций развития предпринимательства поможет сформировать понимание того, кто такой предприниматель XXI века?

Целью исследования является изучение нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности в современном мире, изучение функционирования бизнес-сообщества России в условиях реализации национального проекта «Цифровая экономика», а также выработка механизмов преодоления проблем для функционирования предпринимателей и повышения эффективности применения цифровой среды.

Задачами исследования является:

1. Изучение истории формирования предпринимательства в России.
2. Анализ законодательства Российской Федерации, регулирующего предпринимательскую деятельность.
3. Выделение основных проблем осуществления предпринимательской деятельности в современной России.
4. Изучение законодательства зарубежных стран, регулирующего общественные отношения в области осуществления предпринимательской деятельности.
5. Выделение основных направлений развития законодательства в сфере предпринимательской деятельности в странах англо-саксонской и романо-германской правовых систем.
6. Определение основных проблем осуществления предпринимательской деятельности в странах англо-саксонской и романо-германской правовых систем.
7. Анализ государственной политики Российской Федерации в области регулирования предпринимательской деятельности и использования цифровых технологий.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности российских и зарубежных организаций.

Предметом исследования являются нормы российского права, регулирующие общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности, а также практика применения указанных норм.

Теоретическую базу составляют труды российских и иностранных ученых-правоведов.

Структура работы включает в себя введение, три главы, заключение и список литературы. Первая глава включает в себя исследование исторического аспекта развития правового регулирования предпринимательской деятельности в России, анализ российского законодательства в сфере предпринимательства, выявление новых изменений, касающихся цифровизации экономики, а также механизмов поддержки предпринимательства в России. Вторая глава содержит

положения, касающиеся правового обеспечения перспективных направлений предпринимательской деятельности с использованием инновационных технологий. Третья глава посвящена исследованию отдельных направлений цифровой трансформации предпринимательства в России.

Апробация результатов исследования проведена посредством защиты основных ее положений в виде докладов на следующих конференциях: XV Всероссийская научно-практическая конференция «Как нам обустроить Россию?: (посильные соображения)» (2019 г., г. Тюмень, ИГиП ТюмГУ); XVI Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы юридического образования и науки в эпоху цифровизации и пути их решения» (2020 г., г. Тюмень, ИГиП ТюмГУ); XVII Всероссийская научно-практическая конференция «Новеллы Конституции Российской Федерации – настоящее и будущее. (Работа над ошибками)» (2021 г., г. Тюмень, ИГиП ТюмГУ); II Всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Юридическая наука и практика глазами молодых исследователей» (2022 г., г. Новокузнецк, ФГБОУ ВО «КемГУ»).

Публикация результатов исследования проведена в следующих сборниках научных статей: Ткаченко Ю.А. Правовой статус искусственного интеллекта // Сборник научных статей XV Всероссийской научно-практической конференции «Как нам обустроить Россию?: (посильные соображения)» (г. Тюмень, 2019 г., Вып. 15., С. 330-332); Ткаченко Ю.А. Роль смарт-контракта в становлении цифровой экономики России // Сборник научных статей XVI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридического образования и науки в эпоху цифровизации и пути их решения» (г. Тюмень, 2020 г., Вып. 16, С. 226-230); Ткаченко Ю.А. Цифровое предприятие как новая форма ведения бизнеса // Сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Юридическая наука и практика глазами молодых исследователей» (г. Новокузнецк, 2022 г., С. 201-206).

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

1.1. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Торговые отношения с древнейших времен формировали ядро взаимоотношений людей во всем мире без исключения. Натуральный обмен или бартер, подтолкнул родовые общины, живущие рядом друг с другом, к развитию добрососедских отношений. Со временем потребности людей возросли, поэтому небольшие социумы стали налаживать коммуникативные отношения с соседними городами в основном на основе бартера. В таких условиях стали формироваться первые обычаи делового оборота, например обычаи торгового мореплавания.

В начале XI века в Киевской Руси сформировалось централизованное государство, а также устоялось сословное разделение общества. В связи с этим, появилось государственное регулирование общественных отношений в самых различных сферах жизнедеятельности общества. Особого внимания требовали торговые отношения, поскольку все больше возникала необходимость в формировании единых правил поведения в тех или иных ситуациях. В этих условиях появился первый письменный Древнерусский свод законов – «Русская Правда», принятый Ярославом Мудрым в 1016 году. В нем содержалось большое количество основополагающих норм и правил, регулирующих имущественные и торговые отношения. В частности, он закреплял прообразы современных понятий краткосрочного и долгосрочного займа, торговой комиссии, вклада в торговое компанейское предприятие, торгового кредита, договора купли-продажи, а также договора хранения (поклажи). В связи с этим, можно сказать, что «Русская Правда» имела определенную систему договоров.

Помимо этого, «Русская Правда» устанавливала порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, что можно считать прообразом современной процедуры банкротства физического лица.

Одним из ключевых положений «Русской Правды» было предписание «княжеским судьям частные богатства, как и вообще частную собственность в любом виде охранять пуще глаза» [Галаган, с. 24]. Это положение, закрепляет право частной собственности и обязывает государственных служащих охранять ее. Именно это положение заложило крепкую основу для появления первых зачатков предпринимательской деятельности в Древней Руси [Агеев, с. 5].

Между тем, стоит отметить, что первым видом предпринимательской деятельности, зародившейся как в России, так и за рубежом являлась торговля. По мнению В.О. Ключевского, высокий уровень экономического и военного могущества Киевской Руси был обеспечен благодаря активной внешней торговле [Ключевский, с. 168].

«Русская правда» позволила развить в Киевской Руси первые денежно-кредитные отношения. Так, крупные купцы могли выдавать кредиты более мелким торговцам, но при этом под небольшой процент, поскольку христианская вера этого не позволяла. Между тем, заграничные торговцы пытались заниматься ростовщичеством, выдавая кредиты под большие проценты, что приводило к плачевным последствиям (аналог современных микрозаймов). На фоне трагических прецедентов в 1113 году Владимир Мономах ввел Устав, который в принудительном порядке уменьшал сумму процентов, выплачиваемых по кредиту (не более 20% в год). Таким образом, государство приняло ограничительные меры, с целью пресечения деятельности, угрожающей экономическому развитию.

Следующий качественный переход к новому экономическому укладу произошел в XVII – XVIII веках.

В XVII веке в России начала формироваться простая капиталистическая кооперация производства, а также возникли первые мануфактуры, это было связано в первую очередь с широким применением последних достижений науки

и техники, а также с возрастающим спросом на различные виды товаров [Дюков Л.В., Егоров Ю.А., Кульчицкий В.С. и др., ч. 1, с. 119].

Качественные изменения в правовом регулировании предпринимательской деятельности и торговых отношений произошли в начале XVIII века, когда Петр I издал Указ от 2 марта 1711 года «О поручении правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей государственного хозяйства» [Титов, с. 149-150], а также образовал различные канцелярии, занимающиеся регулированием как внутренней торговой деятельности, так и налаживанием внешнеторговых связей.

Вместе с тем, главной особенностью российских предпринимателей эпохи Петра I являлось то, что они, в большинстве своем, были выходцы из простых, крестьянских семей. Каждый из этих предпринимателей организовал огромные производства, которые снабжали своей продукцией тысячи людей по всей России и за рубежом.

Не смотря на широкую государственную поддержку предпринимательства, роль казенного капитала, например в Москве к концу царствования Петра I, была очень незначительной. Из 100 частных мануфактур (цифры в литературе расходятся), основанных в первой четверти XVIII в., 40 % находились в руках купцов, а с учетом всех посадских людей, включая ремесленников, — 64 % [История предпринимательства. – С. 270.]. Казна побуждала частный капитал к промышленному строительству экономическими мерами. Широко практиковалась выдача беспроцентных казенных ссуд, освобождение на несколько лет от уплаты пошлин на ввоз иностранных материалов и оборудования, освобождение от обложения промышленного капитала государственными налогами. Городские тяглецы очень ценили привилегию, освобождавшую их от гражданских повинностей в виде постоев и обременительных для купцов казенных служб. Кроме того, предприниматели тех лет стремились одновременно вкладывать свободный капитал в разнообразные отрасли производства, что позволяло защитить предпринимателей от крупной

потери вложений. Такие действия, стимулировали развитие небольших предприятий, ускорило развитие местных производств [История предпринимательства. Из статьи Муравьевой Л.А.].

Во второй половине XVIII века Екатерина II ликвидировала необходимость получения «разрешительных указов» на открытие предприятия и его устройство. Она сформировала благоприятные условия для развития отечественного предпринимательства, отменила все возможные ограничения, в том числе подушную подать (налоги) для предпринимателей. При этом, было объявлено об уничтожении монополий и введении полной свободы торговли.

Вместе с тем, к концу XVIII века в российской промышленности сложилось разделение сфер предпринимательства – с одной стороны, развитие крупной промышленности, ориентированной преимущественно на зажиточного и богатого горожанина, дворянство, царский двор, экспорт продукции, с другой – бурный рост мелкой крестьянской и кустарно-ремесленной промышленности, ориентированной на широкие народные массы. Между крестьянской и крупной промышленностью постоянно шла конкурентная борьба. Развитие частной инициативы путем отмены различных ограничений и запретов сопровождалось активной государственной политикой таможенного тарифного регулирования, имеющей преимущественно охранительный характер. Это означало ограничение допуска на русский рынок товаров, которые были способны серьезно конкурировать с отечественными.

Особый этап трансформации предпринимательства в России пришелся на середину XIX – начало XX веков. Произошла модернизация предпринимательских сил. Лидерство в деловом мире начало постепенно переходить от фабрикантов традиционных отраслей (текстильной, переработки сельхозпродуктов и т. п.) к фабрикантам передовых технологий – машиностроения и металлообработки. Произошло существенное усиление роли банков и страховых учреждений. Начала преобладать акционерная форма предпринимательства.

Период с 1881 года по 1913 годы, по праву можно считать «золотым веком предпринимательства в России». Важнейшим событием стала отмена крепостного права. Этот шаг позволил государству высвободить колоссальные объемы рабочей силы, а также обновить поколение предпринимателей. Великие реформы создали условия для быстрого роста фабричной системы, основанной на применении машин и паровых двигателей, благодаря чему к 80-м годам завершился промышленный переворот в важнейших отраслях: металлургической, горнорудной, угольной промышленности. Усиливалась концентрация производства, которая привела к появлению монопольных объединений [Бовыкин, с. 153].

Однако, с изменением государственного строя в России, переходом к коммунистическому строю, произошли коренные перемены в направлении развития отечественного предпринимательства. В августе 1918 г. был издан Декрет об отмене права частной собственности на недвижимость в городах, в ноябре 1918 г. национализированы торговые оптовые и розничные предприятия и страховые компании, а в 1920 г. – средние и мелкие промышленные предприятия [Кутыина Г.А., Мулукаев Р.С., Новицкая Т.Е. и др. ч. 2, с. 57]. В этих условиях любое проявление предпринимательства (например, подсобное производство или частная торговля) широко порицалось и каралось по закону.

Серьезные изменения в развитии предпринимательской деятельности произошли в середине 80-ых годов XX столетия. В это время было принято большое количество нормативно-правовых актов, возвращающих институт частной собственности и предпринимательства в правовое поле. Возродилась возможность граждан объединяться в кооперативы и товарищества, вступать в арендные обязательства. Кроме того, большим шагом вперед стало принятие Закона СССР «О предприятиях и предпринимательской деятельности в СССР» [Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445]. Именно в этом нормативном акте, содержалось первое легальное определение предпринимательской деятельности.

В июле 1991 года был принят Закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» [Закон РСФСР от 03.07.1991 № 1531],

что подтолкнуло к началу процесса приватизации и позволило нарастить объемы частного капитала.

Начиная с 1993 года, в связи с изменением политической обстановки в стране, разделением СССР, созданием Российской Федерации, правовое регулирование предпринимательской деятельности стало активно развиваться.

Следующим этапом развития правового регулирования предпринимательской деятельности стал переход Российского государства от командной экономики к рыночной, возрождением института частной собственности и провозглашением свободы труда (в контексте свободы предпринимательской деятельности).

Одним из важнейших шагов на пути становления предпринимательства в современной России стало принятие 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации, которая вобрала в себя все ценное и полезное, что содержалось в предыдущих четырех Конституциях Советского периода, но с опорой на современные тенденции и заделом на будущее развитие экономических отношений не только внутри России, но и в международных торговых отношениях. Так, в статье 34 Конституции Российской Федерации сформулировано фундаментальное право каждого человека свободно использовать свои способности и имущество для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Также в этой статье провозглашается недопустимость монополизации и недобросовестной конкуренции. Подобные положения явились без преувеличения сильнейшим подспорьем для форсирования всех уровней предпринимательской деятельности, поскольку в советский период частной предпринимательской деятельности не существовало и не могло существовать по идеологическим причинам. Вместо этого, был сформирован во многом искусственный механизм хозяйственных предприятий, которые действовали по централизованному плану. В таких условиях о самостоятельной, свободной деятельности хозяйствующих субъектов говорить не приходилось.

Естественно, с появлением возможности организации предпринимательской деятельности российское общество столкнулось с проблемой не квалифицированности и не профессионализма новоиспеченных предпринимателей. Зачастую из-за неумелых действий владельца, предприятие приходило в упадок, убыточность и в итоге закрывалось. Со временем ситуация нормализовалась, предпринимательское сообщество пополнилось более квалифицированными членами.

В современной действительности формируется тенденция перехода общества на новый этап развития экономических отношений и предпринимательской деятельности с использованием цифровых технологий, повсеместной коммуникации и открытости предпринимательства, с широкой государственной поддержкой малого и среднего бизнеса, а также упрощением пути становления молодого предпринимателя. Однако для того, чтобы подобные цели можно было реализовать возникла необходимость перестроения во многом устаревших норм права к текущей ситуации в мире и российском обществе. В связи с этим, в 2020 году была проделана большая работа по разработке обновленных положений Конституции Российской Федерации, а также предприняты беспрецедентные меры по осуществлению народного волеизъявления в виде плебисцита, которые показали одобрение народом России курса государства на развитие экономической и предпринимательской сферы жизни общества.

Конечно, не стоит забывать о том, что внесенные поправки в Конституцию Российской Федерации затрагивают практически все сферы жизни общества, однако в рамках данной работы стоит затронуть только положения, касающиеся предпринимательской деятельности. Так, в частности была введена отдельная статья 75.1, которая гарантирует формирование условий для устойчивого экономического роста страны, а также установление экономической солидарности. Для укрепления и детализации данных положений, в некоторые статьи Конституции были внесены изменения. В статью 83, касающуюся полномочий президента России был добавлен пункт е.5, из которого следует, что

президент России формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. Также, часть 1 статьи 114 была детализирована пунктом е.3, который напрямую провозглашает одним из направлений деятельности Правительства Российской Федерации содействие развитию предпринимательства и частной инициативы [Конституция РФ].

Стоит отметить, что поправки в Конституцию Российской Федерации являются ядром трансформационного процесса предпринимательства в России. Однако, государство ранее внедрило еще один эффективный механизм по развитию бизнес-сегмента в экономике России – государственные программы «Национальные проекты». Так, в 2018 году, в майском Указе Президента Российской Федерации [Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204] была отмечена важность внедрения гражданского оборота на базе цифровых технологий. С этой целью были разработаны первые национальные проекты, призванные обеспечить прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие России, повышение уровня жизни населения страны, создание условий и возможностей для самореализации и раскрытия внутреннего потенциала каждого гражданина. С каждым годом количество национальных проектов растет, сфера их применения становится все обширнее. Среди них имеют ключевую роль в поддержке предпринимательской деятельности национальные проекты «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» и «Цифровая экономика». Безусловно, преобразование Конституции Российской Федерации и внедрение национальных проектов имеют главной целью создание условий экономического роста страны, повышения доверия между государством и гражданами, развитие сегмента предпринимательства.

Кроме того, стоит обратить внимание, что не менее важную роль играет Гражданский кодекс Российской Федерации, как кодифицированный

нормативный акт, охватывающий практически все сферы гражданских правоотношений. Именно в нем закреплено легальное определение предпринимательской деятельности, под которой понимается: «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Между тем, существуют мнения ученых, что данное понятие не в полной мере охватывает современный институт предпринимательской деятельности, поскольку не раскрывает его отличительные признаки, такие как, инновационный характер и признак самостоятельной имущественной ответственности

Таким образом, на протяжении всего исторического пути, российское предпринимательство претерпевало серьезные изменения, кардинально влияющие на дальнейшее развитие предпринимательской деятельности в стране. В истории России уже не раз происходили качественные изменения в короткие сроки (своеобразные трансформации), благодаря которым улучшалась экономическая стабильность страны.

1.2. ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В современных условиях, все большую необходимость вызывает вопрос регламентации предпринимательской деятельности, учитывая многообразие новых форм ведения бизнеса. Вместе с тем, чрезмерное укрупнение законодательства в сфере предпринимательства может оказать негативное воздействие на бизнес-сообщество, поскольку чрезмерно усложнит процедуры становления начинающего предпринимателя. В этой связи важным является деятельность государства по созданию условий для активного роста предпринимательской активности, а также формированию наиболее приоритетных направлений развития экономики страны.

На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации существует ряд нормативных актов, регулирующих предпринимательскую деятельность.

Так, на федеральном уровне можно выделить:

- Конституцию Российской Федерации, которая закрепляет основополагающие начала и принципы предпринимательского права. Единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств. Именно Конституция гарантирует поддержку государством конкуренции, а также свободу экономической деятельности граждан (статья 8). Помимо этого, главным законом государства предусмотрено право каждого человека использовать свои природные способности, интересы и склонности для осуществления предпринимательской деятельности (статья 34).

- Гражданский кодекс Российской Федерации – один из важнейших нормативных актов, поскольку он является универсальным документом, регулирующим практически все сферы имущественных отношений, включающих и предпринимательскую сферу. Гражданский кодекс содержит определение предпринимательской деятельности, нормы о правовом статусе

субъектов предпринимательской деятельности, а также лиц, хоть и не являющихся индивидуальными предпринимателями, но осуществляющими предпринимательскую деятельность. Также Гражданский кодекс устанавливает правовой режим имущества предпринимателей и юридических лиц, регулирует отношения, связанные с исполнением обязательств, возникающих из договоров поименованных и не поименованных в нем.

- Федеральные законы, а также Законы Российской Федерации, определяющие:

- состояние рынка (Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ]);

- правовое положение субъектов предпринимательской деятельности (Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ]);

- регулирующие отдельные виды предпринимательской деятельности (Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» [Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ]);

- содержащие требования к порядку осуществления предпринимательской деятельности (Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» [Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ]);

- иные законы, регулирующие предпринимательскую деятельность (Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ]).

Наряду с законодательными актами, существуют и подзаконные нормативные акты, которые призваны дополнять действующие регулятивные механизмы. Так, например, Указы Президента РФ «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации» от 04.04.1996 № 491 [Указ Президента РФ от 04.04.1996 № 491], «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства» от 05.06.2015 № 287 [Указ Президента РФ от 05.06.2015 № 287], «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 230

годы» [Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203], определяют направления государственной политики в области поддержки предпринимательской деятельности. Предполагают точечные шаги по нормализации функционирования всей экономической системы страны.

Кроме того, помимо федерального уровня, существует и региональный. Региональные органы государственной власти издают свои нормативно-правовые акты, учитывая территориальные особенности. Так, например Закон Тюменской области от 05.05.2008 № 18 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Тюменской области» [Закон Тюменской области от 05.05.2008 № 18] устанавливает дополнительные меры поддержки малого и среднего предпринимательства, посредством финансовой, имущественной, информационной, консультационной и иной помощи, в рамках реализации государственной программы Тюменской области.

Вместе с тем, не стоит забывать, что Российская Федерация не находится в экономическом вакууме. Большая доля федерального бюджета складывается из поступлений от экспорта товаров, работ, услуг. В этой связи, особую роль в развитии экономики страны, и в трансформации предпринимательской деятельности, в частности, играют международные нормативно-правовые акты: двусторонние и многосторонние соглашения, рамочные договоры, международные конвенции и пакты и пр. Безусловно, поскольку Российская Федерация является суверенным государством, могут возникнуть коллизии в действии тех или иных норм международного права на территории России. На этот случай существует механизм, предусмотренный в статьях 2, 5, 6 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ], который можно сформулировать так: «нормы международного права применяются к предпринимательским отношениям непосредственно, если для их применения не требуется издание внутригосударственного акта».

Между тем, в условиях цифровизации экономического пространства и информационной среды, появляются новые правовые акты, регулирующие

современные виды общественных отношений. Так, в Приказе Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2019 № 428] (далее – Приказ № 428), содержится ряд новых понятий. В подпункте 3 пункта 1 содержится определение «Цифровизации», под которой подразумевается «процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий». Кроме того, в подпункте 31 пункта 1 установлено понятие «Технологии искусственного интеллекта» – это свойства автоматических систем брать на себя отдельные функции интеллекта человека, выбирать и принимать оптимальные решения на основе ранее полученного опыта и рационального анализа внешних воздействий.

На сегодняшний день не существует легального определения процесса цифровой трансформации предпринимательской деятельности, однако, в Приказе № 428 национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее – Приказ № 428), содержится понятие «Цифровая трансформация региона». Если исходить из этого определения, используя аналогию, можно вывести понятие «Цифровая трансформация предпринимательской деятельности», под которой понимается глубокое и всестороннее изменение производственной деятельности, организационной структуры компаний и бизнес-моделей, а также экономических и социальных процессов, связанных с заменой аналоговых технических систем цифровыми и широкомасштабным применением цифровых технологий в предпринимательстве.

В этой связи, возникает необходимость в разграничении понятий «Цифровая трансформация предпринимательской деятельности» и

«Цифровизация», поскольку на первый взгляд может показаться, что эти два определения тождественны, однако это не так.

Исходя из легального определения, закрепленного в Приказе № 428, Цифровизация (Цифровое развитие) – это процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «Цифровизация» шире по содержанию, чем понятие «Цифровая трансформация предпринимательской деятельности», поскольку охватывает все сферы жизни общества. В то время, как «Цифровая трансформация предпринимательской деятельности» охватывает сферу предпринимательства и является частью глобального процесса цифровизации.

В этой связи, особенную значимость приобретают меры государственной поддержки предпринимательского сообщества России. Наряду с финансовой поддержкой, особенно остро встал вопрос об информационно-консультационной помощи предпринимателям. Однако, это связано не только с расширением цифрового пространства и всеобщей цифровизацией. В современном мире происходят различные процессы будь то декарбонизация, «озеленение» экономики или широкомасштабное использование криптовалют в международных финансовых операциях. Повышается информационный поток, который необходимо анализировать предпринимателю, чтобы принимать выгодные решения. Поэтому очень важным элементом государственной политики в области поддержки предпринимательской деятельности является информационно-консультационная помощь.

Кроме того, для обеспечения устойчивого развития малого и среднего предпринимательства в России, необходимо предпринимать шаги к актуализации действующего законодательства. Так, например, процесс цифровизации экономики предполагает широкое использование цифровых

платформ, способствующих скорейшему обмену информацией между предпринимателями, их контрагентами и государственными органами, осуществляющими контроль предпринимательской деятельности. При этом, необходимо придерживаться принципа коммерческой тайны и запрета разглашения личной или коммерческой информации. Нормотворческая работа в этом направлении только начинается. Стоит отметить, что в нынешнем законодательстве отсутствует определение понятию «цифровая платформа», при этом этот термин очень часто используется, в том числе и государственными служащими.

Между тем, доктринальное понятие «Цифровая платформа» уже сформировалось и имеет многогранный характер. Так, по мнению Алтухова А.В. и Кашкина С.Ю. «цифровой» можно признавать любую платформу, которая создана с использованием современных цифровых (информационных) технологий [Алтухов, Кашкин, с. 86-94]. Кроме того, на сегодняшний день существует несколько нормативных актов, регулирующих порядок функционирования цифровых платформ. К ним можно отнести:

- Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», содержит положения о порядке функционирования инвестиционных платформ и порядке обращения утилитарных цифровых прав;

- Закон Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» и Постановление Правительства Российской Федерации от 13.05.2022 № 867 «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России». В этих документах содержатся положения о создании цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», направленной на повышение мобильности в отношениях между работником и работодателем, а также повышению эффективности содействия государственных органов соискателям.

- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.12.2019 № 3074-р «Концепция создания цифровой аналитической платформы». В рамках данной Концепции предполагается создание единой информационной статистической платформы для обработки и систематизации большого количества статистических данных и пр.

Более того, в нынешних реалиях складываются ситуации, когда несколько цифровых платформ со схожей деятельностью могут вступить в конкуренцию, что порождает ряд проблем правового характера.

Не стоит забывать, что в условиях перехода современной экономики на инновационный путь развития, все больше возникает необходимость активного взаимодействия государства с предпринимательским сообществом, поскольку инновационный тип экономики предполагает широкое применение современных технологических процессов, нестандартных предпринимательских решений. В этой связи, остро встает проблема привлечения большого объема финансирования для новых проектов. Вместе с тем, на сегодняшний день уже очевидно, что обычные механизмы рыночной экономики теряют свою эффективность. Для активного развития инновационной деятельности в цифровой среде необходимо тесное взаимодействие государства и предпринимательского сообщества. Главными инструментами в этой деятельности могут стать меры государственной поддержки предпринимательства.

Обращаясь к зарубежному опыту развитых стран, можно увидеть формирование систем комплексных мер поддержки и стимулирования инновационных процессов, охватывающих широкий перечень проблем.

Так, например, Англосаксонская модель, включающая такие страны как США и Великобритания, уделяет особое внимание на разделение положения индивидуального предпринимателя и корпорации.

В США действуют специальная система поддержки малого бизнеса и развитое антимонопольное законодательство.

В американской экономике сложилось две параллельно сосуществующих формы финансовой поддержки малого предпринимательства: частное и государственное.

Государственная поддержка осуществляется прямым финансированием через Администрацию малого бизнеса США (SBA). Это федеральный орган государственной власти, имеющий региональные и межрегиональные подразделения во всех штатах, получающий финансирование из федерального бюджета.

Государственная поддержка индивидуальных предпринимателей осуществляется за счет взаимодействия с крупными объединениями субъектов малого бизнеса, например с таким как SCORE (Counselors to America's Small Business), имеющим около 400 филиалов, в которых работают свыше 10000 руководителей и владельцев малых предприятий [Фомина, с. 79-87].

Для стран Европейского союза характерна континентальная модель государственного регулирования предпринимательской деятельности, имеющая следующие особенности:

1. разделение гражданского и торгового права с преобладанием по большей части торгового права;
2. разграничение систем регулирования предпринимательской деятельности, на общие меры по поддержке предпринимательской деятельности в конкретной стране или Европейском союзе и меры по развитию взаимодействия государства и малого предпринимательства (частно-государственное партнерство);

К примеру, подобная система разграничения мер поддержки действует в сфере кредитования бизнес-сообщества в Германии. Финансовые организации предоставляют кредиты предпринимателям по единым условиям обязательным для всех субъектов. Вместе с тем, для малого бизнеса в Германии разработан целый ряд дополнительных гарантий и мер поддержки:

- льготная программа налогообложения, которая позволяет высвободить часть финансовых ресурсов в пользу предпринимателей;

- обеспечение льготного кредитования субъектов малого бизнеса;
- программы по стимулированию предпринимательской деятельности в области инновационных технологий.

Помимо федеральных, в Германии действуют и региональные программы, которые имеют наибольший эффект в развитии предпринимательства, поскольку точно нацелены на потребности предпринимателей с привязкой к местным условиям. Тем самым такие меры обеспечивают максимальный эффект и оказывают реальную помощь бизнес-сообществу.

Кроме того, в Японии и Китае уже давно используются смешанные системы государственного регулирования предпринимательства. Финансирование значимых государственных программ идет не только из единого государственного бюджета, но также финансируется и регионами, что обеспечивает единство финансовой системы и большой приток финансирования. Помимо этого, китайским правительством оказывается всесторонняя поддержка малых предпринимателей, занимающихся инвестиционной и инновационной деятельностью, а также предприятий, использующих инновационные технологии в своем производстве [Фомина, с. 452–454].

Таким образом, сравнивая государственные системы по поддержке предпринимательской деятельности в различных экономико-правовых системах, можно отметить, что практически все современные развитые государства стремятся поддержать внедрение новых плодов научно-технического прогресса в свое экономическое пространство. В связи с чем, широкое содействие получают предприниматели, активно применяющие в своей деятельности цифровые и инновационные технологии. Кроме того, все большую актуальность приобретает такой правовой институт как государственно-частное партнерство.

Стоит отметить, что государственные программы Правительства Российской Федерации следуют мировым трендам и концентрируются на формировании благоприятных условий для активного развития предприятий, работающих в области инновационных технологий. Это выражается в создании соответствующей инфраструктуры, например промышленно-производственных,

технико-внедренческих или портовых экономических зон, которые имеют особый экономический статус, обеспечивающий их резидентам льготные финансовые условия.

Более того, реализация инновационных бизнес проектов находится под постоянным государственным контролем, с целью всестороннего содействия и помощи в их реализации.

Однако, в современных условиях ведение предпринимательской деятельности в цифровой среде с использованием инновационных технологий становится все более затруднительным. Поэтому все большую актуальность приобретают новые меры государственной поддержки предпринимателей:

- разработка и создание инновационной инфраструктуры, включающей возможность подключения к цифровой среде (цифровым платформам);
- расширение информационно-консультационной деятельности, с целью поддержки малых и средних предприятий, обучение и переобучение по современным бизнес-программам, помощь опытных и профессиональных наставников.

Подобную позицию разделяют и некоторые ученые. Так, Белов А.П. предлагает организовать информационно-консультационную службу для малых и средних предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в сельском хозяйстве. Целью такой организации являлась бы содействие предпринимателям в систематизации и ознакомлении с научной, технологической и рыночной информацией, посредством консультаций. Эта деятельность поможет субъектам предпринимательской деятельности эффективнее освоить инновационные разработки и передовой сельскохозяйственный опыт [Белов А. П. Международное предпринимательское право. М., 2001. 38 с.].

В этой связи, для организации консультационных служб потребуется проведение следующих мероприятий:

- формирование систем по обмену информацией между предпринимателями, государственными структурами и научными центрами;

- создание единой федеральной системы цифрового хранилища Больших данных (информационных баз);
- предоставление защищенного доступа к цифровому хранилищу.

Учитывая современные темпы развития общественных отношений, с большой скоростью появляются или обновляются все сферы жизнедеятельности. В том числе, обновляется сфера предпринимательской деятельности.

На сегодняшний день можно выделить несколько перспективных направлений предпринимательства, которые в большей степени подвержены цифровой трансформации. К ним относятся:

- Появление смарт-контракта, использующего технологию блокчейн, обеспечивающую защиту информации как о самом предпринимателе, так и о его контрагентах или клиентах.
- Создание новых объектов гражданских прав: «Цифровые права», «Цифровые финансовые активы» и «Цифровая валюта».
- Разработка новых способов ведения бизнеса: майнинг криптовалют.
- Реализация проектов с использованием Искусственного интеллекта.

Кроме того, с увеличением информационного потока в сети «Интернет» возникает необходимость в обеспечении безопасности при осуществлении предпринимательской деятельности в цифровой среде.

Однако, самым главным является установление международного сотрудничества в сфере цифрового предпринимательства, поскольку это позволит выработать основополагающие понятия и принципы, единые для всех государств, направленные на единообразное урегулирование правовых споров в предпринимательской деятельности и позволит государствам выработать свою национальную нормативную базу.

Таким образом, можно сделать вывод, несмотря на то что в России существует большое количество нормативных актов, регулирующих предпринимательскую деятельность, сохраняется эффект правового вакуума, когда отсутствуют правовые нормы, которые должны регламентировать не урегулированные, но нуждающиеся в правовой регламентации вновь возникшие

общественные отношения, по большей части это связано с быстрым переходом общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности к цифровому и инновационному укладу. Кроме того, на сегодняшний день одной из первостепенных задач государства является формирование комфортной экономической среды для малых и средних предпринимателей, однако фактически большинство мер государственной поддержки направлены на малые предприятия, которые обладают большой гибкостью и способны быстро подстроиться под меняющиеся условия. Однако, по большей части такой гибкости лишены предприниматели среднего звена. В связи с этим, может сложиться негативная тенденция по замедлению экономического роста страны или вообще отставанию в темпах развития среднего сегмента предпринимательства от зарубежных коллег. С целью избегания подобного сценария, видится необходимым расширение государственной политики в области частно-государственного партнерства, как основы для стабильного и добросовестного сотрудничества государства и предпринимательства.

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

2.1. ЦИФРОВЫЕ ПРАВА, ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ И ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сравнительно недавно упоминание о «Цифровых правах» появилось в Российских нормативных источниках. 1 октября 2019 года «Цифровые права» были закреплены в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), определяющего круг объектов гражданских прав. При этом немногим ранее, 18 марта 2019 года, в ГК РФ ввели статью 141.1, целиком посвященную Цифровым правам. Однако, на самом деле, статья содержит лишь некоторые вводные положения, определяющие нормативное регулирование нового объекта гражданских прав, а также немного раскрывает механизм управления им. Также, в этой статье содержится указание на то, что Цифровыми правами следует считать обязательственные и иные права, названные в таком качестве в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О ЦФА») [Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ] и Федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О ПИИИП») [Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ].

Анализируя вышеизложенные нормативные акты, можно сделать вывод, что цифровые права распространяются только на цифровые финансовые активы и цифровую валюту, поскольку они имеют важное отличие от других гражданских прав – неразрывная связь с цифровой средой. Подобной точки зрения придерживается профессор Б.М. Гонгало и профессор Л.А. Новоселова. По их мнению, цифровые права создаются (возникают) в информационной

системе и существуют лишь в ней. Как отмечают ученые, в этой информационной системе нет посредника, который обеспечивал бы передачу прав и отвечал бы за правильность учетных данных в их статике и динамике, в противном случае, такие права уже нельзя называть цифровыми [Гонгало, Новоселова, с. 188].

По мнению Руденко Е.Ю., законодатель относит цифровые права к имущественным правам. Поэтому, цифровые права наделяются всеми признаками имущественных прав: цифровое право не существует само по себе, оно обладает способностью принадлежать определенному лицу; с помощью цифрового права реализуется имущественный интерес его обладателя; цифровое право может быть отчуждено; цифровое право должно иметь денежную оценку. Помимо признаков, свойственных цифровым правам как разновидности имущественных прав, цифровые права имеют специфический признак, который присущ только им как самостоятельным объектам гражданских прав: содержание и условия осуществления цифровых прав определяются в соответствии с правилами информационной системы. Кроме того, цифровым право может считаться только в том случае, если оно будет названо в качестве такового в законе [Руденко, с. 7-10].

Однако, не смотря на законодательное закрепление института цифровых прав, в научном сообществе не прекращаются дискуссии, касающиеся определения места цифровых прав в системе объектов гражданских прав или как особого элемента информационной системы, без которой цифровое право не может существовать.

Так, например М.А. Рожкова полагает, что введение в законодательство термина «цифровое право» вредно, поскольку это приведет к необоснованному изменению уже сложившихся и доказанных правовых институтов [Рожкова].

По мнению Р.Б. Головкина и О.С. Амосовой, цифровые права — это «не возможное поведение субъектов правоотношений, а скорее форма выражения субъективных прав, отраженных в гражданском законодательстве и соответствующих информационных системах. Следовательно... цифровые права

— это разновидность субъективных прав, выраженных в цифровой форме и реализующихся в рамках информационных систем» [Головкин, Амосова, с. 165].

Как считает В.П. Камышанский, «цифровые права — это не особый вид субъективных гражданских прав, отличных от вещных или обязательственных прав. Они представляют собой обязательственные и другие права, содержание и условия осуществления которых содержатся в специальной информационной системе» [Камышинский, с. 15].

Вместе с тем, С.И. Сулова и У.Б. Филатова считают, что «цифровизация прав приводит к возникновению не нового вида имущественных прав, существующих наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к цифровому способу их фиксации» [Сулова, Филатова, с. 11].

Е.В. Шестакова полагает, что «к цифровым правам могут относиться токены и криптовалюты, выпускаемые конкретными компаниями, но при этом классические криптовалюты (BitCoin и т.п.) к цифровым правам относиться не могут» [Шестакова].

Согласно п. 1 ст. 141.1 ГК РФ запись о цифровых правах должна быть в информационной системе, которая, в свою очередь, должна соответствовать установленным в законе признакам. Определение информационной системы содержится в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ]. В соответствии со ст. 2 указанного Закона информационная система характеризуется как совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Информационная система создается и функционирует исключительно ради информации и ничего, кроме нее, не содержит.

Таким образом, можно предположить, что цифровые права являются особым видом гражданских прав, поскольку возникают в отношении тех объектов гражданских правоотношений, которые создаются (возникают) или

существуют исключительно в цифровой форме. Обладателем цифрового права можно признать лицо, имеющее доступ к цифровым активам, находящимся в цифровой системе, а также способное распоряжаться цифровыми активами согласно своей воле. При этом, цифровые права могут быть реализованы только внутри цифровой среды, по правилам, установленным в ней. Изъятие цифровых активов из цифровой среду может повлечь прекращение их существования, следовательно и прекращение цифровых прав на них. Однако, существуют примеры «локального» хранения ключей и паролей от аккаунтов цифровых платформ или самих финансовых активов без постоянного соединения с сетью «Интернет». В первую очередь эта технология популярна среди пользователей криптовалюты, обеспечивающая максимальную безопасность активов.

Подобной точки зрения придерживаются и некоторые ученые. Так, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного университета нефти и газа (национального исследовательского университета) имени И.М. Губкина Карцхия А.А., предлагает ввести в гражданское законодательство новую категорию – «цифровой гражданский оборот», под которым следует понимать «совокупность правоотношений, порождаемых юридически значимыми действиями субъектов оборота (правообладателями) по удостоверению цифровых прав на цифровые объекты, распоряжению цифровыми правами посредством применения цифровых технологий, и выражается в последовательности цифровых записей в цифровом компьютерном коде, сгенерированном компьютерной программой» [Карцхия, с. 15]. К основным отличиям цифрового гражданского оборота от традиционного гражданского оборота с использованием электронных документов можно отнести:

- нематериальный характер объектов цифрового гражданского оборота;
- цифровые активы в цифровом гражданском обороте статичны, субъекты обмениваются цифровыми правами на них;

- особенности цифровых объектов позволяют создавать их самостоятельно самими субъектами отношений (например, посредством майнинга криптовалюты).

- имущественная ценность цифровых объектов неразрывно связана с их рыночной стоимостью на определенной цифровой платформе;

- распоряжение цифровыми правами производится только на определенной цифровой платформе и на ее условиях при посредничестве оператора, однако в силу пункта 1 статьи 141.1 ГК РФ сам акт распоряжения цифровым правом не требует обращения к третьему лицу.

Между тем ФЗ «О ЦФА» содержит в себе еще два очень важных понятия.

Согласно пункту 2 статьи 1 ФЗ «О ЦФА» цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном ФЗ «О ЦФА» выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

По мнению Санниковой Л.В. и Харитоновой Ю.С., цифровые активы имеют ряд отличительных признаков, среди которых можно выделить следующие: двоичный формат их выражения; наличие стоимости; право на их использование [Санникова, Харитонова, с. 85-95]. В связи с этим, к цифровым активам относят: токены, криптовалюты, контент, большие данные, доменные имена, виртуальное игровое имущество и пр.

В соответствии с пунктом 3 статьи 1 ФЗ «О ЦФА» под цифровой валютой подразумевается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного

государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Исходя из вышеуказанного определения цифровой валюты, можно сформулировать особенности данного объекта гражданских правоотношений:

Во-первых, цифровая валюта не имеет физического выражения, она представляет из себя цифровой код, зашифрованный специальными алгоритмами.

Во-вторых, цифровая валюта не является денежной единицей в традиционном понимании (не имеет привязки к конкретному государству или союзу государств).

В-третьих, цифровая валюта имеет неразрывную связь с информационной системой (цифровой платформой), по средством которой осуществляются все юридически значимые действия по отчуждению и приобретению цифровой валюты.

В-четвертых, несмотря на трансграничный характер цифровой валюты, в рамках цифровой платформы действуют посредники (операторы), отвечающие за осуществление транзакций с цифровой валютой.

Учитывая активизацию современных процессов по цифровизации предпринимательской деятельности, видится возможным скорое внедрение цифровой валюты в гражданский оборот. Подобный шаг может оказать положительное воздействие только в том случае, если будет создана технологическая база, цифровая система хранения и обработки большого количества информации о сделках с цифровой валютой, а также будет обеспечен механизм защиты как конфиденциальной информации предпринимателей, их контрагентов и клиентов, так и их финансовых вложений.

В современных реалиях информация и базы данных, содержащиеся в электронном виде с экономической точки зрения являются предметом большого интереса со стороны бизнес-сообщества и органов государственной власти. Массивы данных служат основой для управления и работы государственных учреждений, обеспечивают учет имущества крупных компаний, а также безопасность современных бизнес-проектов [Galar, Kans, Schmidt, с. 339-351]. При этом, имеет ценность не сколько технология хранения баз данных, сколько сама информация. На сегодняшний день данные активно накапливаются, покупаются и продаются по всему миру, в связи с этим все большую актуальность приобретает проблема отсутствия правовой базы для урегулирования общественных отношений, связанных с оборотом информации и сделок с ней.

В зарубежной литературе ведутся дискуссии о праве владения данными. В силу статьи 7 Европейского регламента о персональных данных (GDPR) физические лица должны иметь контроль над своими личными данными [Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2016/679]. Хотя следует отметить, что в указанном акте не дается прямого ответа на вопрос, кому принадлежат данные, но все больше и больше экспертов в сфере права, склоняются к тому, что личные данные принадлежат субъектам данных, а не лицу, которое называют контролером или оператором системы хранения данных [Ooijen, Vrabec, с. 91-107].

Между тем, в Российской Федерации информация с 2008 года исключена из статьи 128 ГК РФ, поэтому она не признается непосредственным объектом имущественного оборота. Такой подход законодателя на тот момент был оправдан введением части 4 Гражданского кодекса РФ, устанавливающей, в том числе, правовой статус интеллектуальных прав, имеющих имущественную ценность. Однако, сегодня появляются новые формы хранения информации, которые требуют правового регулирования. Так, например на протяжении нескольких лет идут научные дискуссии касательно определения правового статуса Больших данных.

В условиях правовой неопределенности в отношении Больших данных в российской литературе предлагается либо пытаться подвести Большие данные под существующий объект гражданских прав (например, базы данных как объект исключительных прав), либо ссылаться на диспозитивность и говорить, что отсутствие регулирования в условиях диспозитивности гражданского права не создает препятствий для формирования нового института (например, в рамках так называемых нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности) [Терещенко].

Таким образом, Большие данные отвечают признаку нематериальности актива, обладающего ценностью. В то же время Большие данные существуют только в цифровой форме. Их виртуальность означает, что ценность данного нематериального актива не связана с формой его выражения. Имеет значение источник данных, процесс или средство, с помощью которого виртуализация осуществляется, продукты, которые можно получить в результате этой виртуальности [Dholakia, Reyes, с. 1580-1591]. Учитывая практическую полезность массива информации, содержащейся в Больших данных, и возрастающий спрос на использование таких систем, в том числе в бизнес-сообществе, стоит рассматривать Большие данные в качестве особого вида цифрового актива, представляющего систематизированный массив информации, выраженной в двоичном коде.

2.2. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН И СМАРТ-КОНТРАКТА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

В современном мире XXI века сформировался новый тренд – ускоренная интеграция информационного пространства с общественной жизнью – цифровизация. Процесс цифровизации уже проник во множество сфер жизнедеятельности человека, будь то машиностроение (как лидер по внедрению новых технологий непосредственно в практику), образовательная деятельность (платформа по созданию, накоплению и развитию информационного поля) или социальная сфера (применение цифровых технологий для облегчения гражданам прохождения процесса социализации).

Такое направление развития понятно, человечество стремится к самосовершенствованию, и цифровые технологии придают отличный импульс к достижению поставленной цели. Однако стоит разобраться, так ли идеален процесс цифровизации?

Конечно, для столь резкого шага вперёд необходима подготовка. Таким же образом ситуация складывается и в сфере правотворчества. Огромное количество нормативно-правовых актов ежегодно, а то и ежемесячно претерпевают ряд изменений и поправок, с целью актуализации содержащихся в них норм под новые, складывающиеся в социуме, реалии.

В современной реальности для человека всё большую роль приобретают такие черты, как скорость, точность, качество и доступность. Широкое распространение получила идея замены физически заполняемого бумажного договора на электронный. Безусловно, такой шаг будет отвечать современным запросам общества, однако без должной проработки этого вопроса и подготовки правового поля невозможно эффективное внедрение нового вида договора в гражданский оборот. Так, в 2018 году в майском Указе Президента Российской Федерации (далее – Указ) [Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204] была отмечена важность внедрения гражданского оборота на базе цифровых технологий.

В рамках Указа, и принятых на основании него, Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Паспорт национального проекта ... «Цифровая экономика Российской Федерации»] и Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (далее – Проект) [Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды»], Правительство Российской Федерации приступило к работе над решением задачи по внедрению гражданского оборота на базе цифровых технологий.

В Проекте отмечена целесообразность разработки и принятия федерального нормативного правового акта, устанавливающего статус не только сделок, совершаемых в письменной, но и в электронной форме. Также в Проекте содержится расшифровка задачи по созданию условий для формирования сферы электронного гражданского оборота, она состоит в определении совершаемых в письменной или электронной форме сделок, автоматизированных «самоисполняемых» договоров, а также в разработке процедур хранения электронных документов, создания и использования электронных копий (электронных образов) бумажных документов.

Из вышесказанного следует, что законодатель ставит первостепенной целью не полную замену бумажных документов электронным документооборотом, а лишь дублирование бумажных носителей электронными с применением функции автоматизации последних. Однако, несмотря на все ограничения, действия законодателя несут прогрессивный характер, поскольку даже 10 – 20 лет назад трудно было всерьёз представить, что электронный документооборот станет использоваться наравне с традиционным во всём мире, бумажным документооборотом.

Конечно, переход от бумаги к цифре в гражданском обороте России следующий шаг на пути к цифровизации. Отличным помощником в этом может выступить так называемый смарт-контракт.

Итак, что же такое смарт-контракт? Если говорить о понятии смарт-контракта, то стоит сказать, что впервые ему дал определение американский учёный-криптограф Ник Сабо в 1996 году, который подразумевал под ним

«компьютеризированный транзакционный протокол, исполняющий условия договора» [Szabo]. В конце двадцатого века технологии цифровой коммуникации только начинали свой путь становления, поэтому теория Ника Сабо имела скорее научно-фантастический окрас с далёким прицелом на будущее, чем «указание» к действию.

В конце первого, начале второго десятилетия двадцать первого века переходом общества к цифровым способам коммуникации стал очевиден. Постепенно большие объёмы информации стали переноситься в электронный формат, были накоплены большие объёмы данных. Цифровые технологии создания, обработки и хранения информации в электронном виде оправдали себя и доказали свою надёжность. Так сформировалась основа для развития процесса становления новой формы контрактов, призванных обеспечить тесное взаимодействие сторон в современном динамичном гражданском обороте.

Ник Сабо создал концепцию самоисполняемых цифровых контрактов. Он назвал их «смарт-контракты», что в переводе с английского означает «умный контракт» (smart contract). Концепция смарт-контрактов уходит корнями к традиционному договорному праву. Суды разрешают споры, возникающие из договорных правоотношений. Что касается ситуации с исполнением смарт-контракта, то эту работу автоматически выполняет программа, встроенная в оболочку смарт-контракта в виде программируемого кода. Посредством применения смарт-контрактов видится возможным повышение эффективности работы судебных органов государства, за счёт снижения количества времени, уходящего на монотонную работу с однотипными договорами и вытекающими из них делами, где фактически нет спора о праве.

На практике смарт-контракты стали активно применять с появлением технологии блокчейн (от английского block chain – цепочка блоков). Блокчейн можно определить как непрерывную информационную цепочку, каждое последующее звено которой содержит зашифрованный код предыдущего. Плюс такой системы хранения данных состоит в том, что каждая звенья цепочки хранятся, как правило, на разных компьютерах независимо друг от друга.

Информационная система, основанная на блокчейне — это среда, в которой исполнение смарт-контракта не зависит от действий третьего лица, параметры, внесённые в смарт-контракт, нельзя произвольно изменить. За пределами такой информационной системы смарт-контракт окажется обычным программным кодом, подверженным изменениям третьих лиц.

Одним из самых распространённых способов оформления смарт-контрактов во всём мире является кодирование контракта с использованием системы блокчейн, в которой алгоритм контракта помещается в информационный блок (звено цепочки зашифрованных данных). Сообщения, зашифрованные в отдельном звене, могут являться ключом к другому звену цепи данных. Стоит отметить, что блокчейн является электронной оболочкой (оформлением) своеобразной средой, в которой хранится алгоритм смарт-контракта, а смарт-контракт выступает ядром (внутренним содержанием), выраженным запрограммированной последовательностью условий и действий сторон соглашения.

У смарт-контракта, как и у любого другого договора, можно выделить существенные условия. К таковым можно отнести обязательное использование электронной подписи на основе публичных или частных (личных) ключей, имеющих у каждой стороны в отдельности или наличие единого ключа с несколькими копиями у сторон смарт-контракта. Следующим существенным условием является нахождение смарт-контракта в единой децентрализованной среде (например, Ethereum), в которой осуществляется хранение исходного кода программы контракта, а также обеспечивается связь цифрового хранилища с реальными доменами. Одним из главных существенных условий является предмет договора, а также инструменты, необходимые для его исполнения (исполняемые программы, криптовалютные счета и другие). Предметом договора может являться только объект, находящийся внутри среды существования самого умного контракта [Скворцов]. Ещё одним существенным условием является точное описание условий исполнения, подтверждённое

электронной подписью всех участников (сторон) договора, а также подтверждение достоверности источника цифровых данных.

Также, стоит сказать о некоторых основных существующих на сегодняшний день видах смарт-контрактов. Так, в зависимости от степени автоматизации смарт-контракты делятся на полностью автоматизированные, полуавтоматизированные (например, автоматизированы только платежи), с копией на бумажном носителе.

Конечно, в связи со сравнительно недавним появлением, смарт-контракт активно развивается и тестируется. Вариантов реализации системы смарт-контрактов может быть множество, сейчас тестируются самые передовые – смарт-контракты на основе системы блокчейн. Риск применения смарт-контрактов в сложных и экономически важных сделках на данный момент высок, поэтому их используют при оформлении простых соглашений. На данный момент, по большей части, при заключении электронного договора автоматизации подвергаются лишь отдельные положения договора (например, система оплаты).

Однако, не смотря на все сложности, возникающие в связи с использованием смарт-контрактов, они уже получили большое признание в зарубежных странах. Так, например, во Франции проблемой внедрения смарт-контрактов одним из первых заинтересовался А. Дюфло, в своем выступлении на VI Московском юридическом форуме «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции», проходившей 4—6 апреля 2019 г., отметил, что во Франции законодатель не стремится создавать самостоятельную нормативную базу, регулирующую работу со смарт-контрактами, как это было сделано в Италии [Mathis]. Вместо этого, планируется применять нормы, регулирующие бумажный документооборот к электронным контрактам. Французские юристы считают, что смарт-контракт лежит поверх традиционного договора, защищая сторон от недобросовестного поведения контрагентов и обеспечивая наиболее эффективное исполнение положений договора.

Исходя из этого, следует, что смарт-контракт нельзя отождествлять с договором в письменной форме, поскольку смарт-контракт выступает в роли вспомогательного элемента, подтверждающего заключение договора и обеспечивающего его добросовестное исполнение сторонами. С такой точкой зрения можно согласиться, оценивая реальное положение дел и ближайшую перспективу. Однако, если взглянуть в будущее смарт-контрактов, то существует возможность их применения наравне с бумажными договорами, а также последующее устаревание вторых и вытеснение новыми формами договоров.

На наш взгляд, действия французского законодателя отчасти верны. Прежде всего, прослеживается направленность на скорейшее внедрение технологии смарт-контракта в гражданский оборот Франции, в этом может помочь использование старого законодательства, однако специфика электронной формы договора не до конца осмыслена и изучена, что в итоге может привести к серьёзным проблемам, вплоть до признания судами недействительными или ничтожными электронных договоров или договоров, заключенных с использованием технологии смарт-контрактов.

Также немаловажно, что применение смарт-контракта на данный момент специально, прямо не регламентировано российским законодательством. Однако отсутствует и запрет на его применение. Действующие нормы, устанавливающие общие положения о сделке и договоре, в частности, имеют достаточно широкие формулировки. Так, в статье 153 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Кодекс) закреплено понятие сделки, которое определяет сделку как действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. А в статье 154 Кодекса сказано, что договор это двух- или многосторонняя сделка, существенным условием которой является выражение воли сторон [Гражданский кодекс РФ, ч. 1 от 30.11.1994 № 51-ФЗ]. Следовательно, на уровне общих понятий законодатель не предполагает каких-либо ограничений к форме сделки. Однако, в нормах, детализирующих работу с договорами, существуют

указания по соблюдению той или иной формы договора. Например, в пункте 3 статьи 339 Кодекса закреплена простая письменная форма или нотариальная форма (если она установлена законом или соглашением сторон).

В тоже время, в научном сообществе идут споры по вопросу соотношения понятий «смарт-контракт» и «электронный договор». Одни считают, что они тождественны, другие, что это совершенно разные понятия. Так, А.И. Савельев считает указанные понятия тождественными, поскольку определяет смарт-контракт как соглашение сторон, существующее в форме программного кода, функционирующего в распределённом реестре данных, который обеспечивает самоисполнимость условий такого договора при наступлении заранее определённых в нём обстоятельств [Савельев, с. 40], что соответствует общему понятию договора с особенностью электронной формы ведения оборота. Однако, существуют и противоположные мнения. В частности, Л.А. Новосёлова считает, что выделение смарт-контракта в качестве отдельного вида договора (электронного договора) правовыми системами романо-германской правовой семьи весьма спорно в силу сложившихся положений о существующих видах договоров. Определяющим, по мнению учёного, является не вид обязательства, а способ его исполнения. Представляется более обоснованным причисление смарт-контракта к способам исполнения обязательств, а не к видам договоров [Новосёлова, с. 32].

Исходя из вышесказанного, стоит обратить внимание на следующий факт, официальное закрепление в законодательстве Российской Федерации новой формы договора как «смарт-контракт» является весьма сложной задачей. Прежде всего, потому что внедрение новых норм и обновление устаревших может занять большое количество времени. Это, в свою очередь, может негативно повлиять на различных субъектов гражданского оборота, начиная от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и заканчивая обычными потребителями – гражданами России. Также, не стоит недооценивать потенциал смарт-контракта, отрицая его принадлежность к отдельному виду договора. На современном этапе, действительно, трудно говорить о его самостоятельности,

однако, в сравнительно недалёкой перспективе существует возможность перерастания смарт-контракта в полноценный вид договора.

Видится целесообразным в первую очередь обеспечить плавную и безболезненную интеграцию смарт-контракта в правовую систему нашего государства. Без должной проработки положений законодательства, регулирующего гражданские отношения вообще и договорные обязательства в частности невозможно эффективное использование смарт-контракта в экономическом обороте.

На данный момент, применение смарт-контракта фактически ограничивается сферой ICO (первичное размещение токенов). Программные протоколы помогают инвесторам покупать токены, размещаемые на электронных платформах. Такой инструмент гарантирует высокий уровень защиты сделки, который складывается за счёт применения зашифрованного алгоритма хранения данных – блокчейн [Сорокина].

В будущем смарт-контракты могут «захватить» более широкий спектр отраслей применения. Так, органы государственной власти Российской Федерации всё чаще высказываются о необходимости применения смарт-контракта, в частности Министерство финансов РФ вышло с предложением о защите прав сторон смарт-контрактов так же, как и сторон договоров, заключенных в электронной форме. Также, Федеральная антимонопольная служба России совместно с государственной корпорацией «Ростех» высказались за применение смарт-контрактов при осуществлении госзакупок. По их мнению, внедрение смарт-контрактов с применением технологии блокчейн создаст более открытую среду в сфере госзакупок. Участники закупок не смогут подделать или изменить сведения о своей квалификации. В перспективе, смарт-контракт может придать взрывное развитие добросовестной конкуренции [ФАС в СМИ]. На основании выше сказанного, можно предположить, что смарт-контракты в ближайшем будущем будут пользоваться популярностью при оформлении сделок купли-продажи недвижимости или автомобилей.

Подобные шаги уже сейчас предпринимаются и в России. Так крупные компании заключают электронные договоры в пилотных (тестовых) режимах, с целью применения накопленных знаний и технических возможностей, к первичному внедрению смарт-контрактов в правовое поле. Стоит отметить, что опыт использования смарт-контрактов в Российской Федерации к началу 2020 года довольно мал. Так, в декабре 2016 года Альфа-банк совместно с авиакомпанией S7 Airlines произвели расчёты с контрагентом, используя смарт-контракты. А также, в августе 2018 года Альфа-банк вместе с авиакомпанией S7 Airlines заключили смарт-контракт с оператором авиатопливного рынка «Газпромнефть-Аэро». В контракте содержалась информация об объёме и стоимости топлива для самолётов авиакомпании [Смарт-революция: «Газпромнефть-Аэро» ...]. Смарт-контракт обеспечил прямое «онлайн» взаимодействие командира воздушного судна и оператора заправщика, а также в несколько раз ускорил проведение оплаты предоставленных контрагентом услуг.

Таким образом, применение смарт-контракта на сегодняшний день довольно редкое явление, имеющее пробный характер. Несмотря на это, очень важно «набить шишки» в единичных сделках, увидеть скрытые проблемы и разрешить их до внедрения смарт-контракта в массовый оборот. Однако, даже сейчас есть позитивные результаты. Так, в результате применения смарт-контрактов в указанных выше примерах было отмечено повышение скорости расчетов между участниками (сторонами) сделки, а также были минимизированы финансовые риски, поскольку отпала необходимость во внесении предоплаты или, например, установлении банковской гарантии. Несомненно, такой полезный опыт необходимо сохранить, накапливать и опираться на него в дальнейшей работе.

В заключении стоит отметить, что внедрение смарт-контрактов в отечественное правовое поле, безусловно, станет важным этапом на пути формирования цифровой экономики России. Современные технологии дают

возможность вывести гражданский оборот на новую ступень развития, повысив уровень качества и прозрачность договоров.

Конечно, в юридической науке споры по поводу определения роли смарт-контракта ещё не достигли своего апогея, однако уже прослеживается устойчивое сходство позиций учёных и юристов в том, что смарт-контракт, на современном этапе развития общества, может выступать только в роли вспомогательного элемента традиционного письменного договора. Практика и тестовые испытания это подтверждают. Однако, уже сейчас некоторые прогрессивные государства всерьёз занимаются перестроением национального законодательства для более плавного и безболезненного внедрения в гражданский оборот смарт-контрактов. Не исключено, что в дальнейшем смарт-контракт перерастёт в нечто большее и составит конкуренцию обычным письменным договорам, а впоследствии вытеснит их из обращения.

2.3. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Развитие современного мира, ускорение процесса информатизации и компьютеризации жизни общества, дают для разрешения массу новых проблем. Одной из них является спор о признании роботов, имеющих искусственный интеллект в качестве индивидуальных субъектов или объектов права, а также их широкое применение в предпринимательской деятельности. На первый взгляд такой вопрос может показаться абсурдным, поскольку существует стереотип, по которому робот – это скопление металла, не способное к самостоятельной деятельности. Сейчас, этот факт уже не так очевиден, научно-технический прогресс вплотную подошел к тому, чтобы наделить роботов системой искусственного интеллекта. Уже сегодня существует множество примеров применения роботов в самых разнообразных сферах деятельности от сборочных роботов в автомобилестроении до тестовых прототипов роботов-погрузчиков.

Необходимо подчеркнуть, что проблема определения правового статуса роботов начала обсуждаться не так давно. Конечно, некоторые дальновидные государства, такие как Южная Корея, Китай и США, уже давно ведут проработку данного вопроса на внутригосударственном уровне. Они разрабатывали свои системы функционирования и развития робототехники [Незнамов, Наумов, с. 69-89]. Спустя некоторое время, человечество пришло к выводу, что автономные машины – это предмет общемирового обсуждения. Так, с 2017 года проблема определения места роботов в человеческой среде и закрепления их положения в международном и национальном законодательстве приобрела широкое распространение, с того времени дискуссия на эту тему только набирает обороты!

На сегодняшний день, ввиду самобытности процесса становления робототехники в каждом отдельно взятом государстве, сформировалось три основных подхода к правовому статусу искусственного интеллекта: концепция

аналогии роботов с физическими лицами; концепция роботы равны животным; концепция, приближение роботов к юридическим лицам.

Российский законодатель пошёл по пути третьей концепции. Так, разработчики проекта внесения изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации предлагают ввести новую главу "Роботизированные агенты". В ней они хотят закрепить определение «Роботизированный агент (робот-агент)», оно ставит людей на первый план. Именно волеизъявление человека (собственника робота) будет ключевым звеном при принятии решений. Также разработчики делают акцент в своём определении на то, что роботу необходима конструктивная приспособленность для участия в гражданском обороте, а также особое внимание они уделили наличию обособленного имущества, которым робот-агент сможет отвечать по своим обязательствам.

Анализируя данный подход, можно прийти к выводу – при наделении машины «человеческой» правосубъектностью, получается неоднозначный симбиоз, поскольку вещь, наделяется не только волей, но и сознанием. Безусловно, сегодня человечество не готово в полной мере осознать такой шаг. Этот подход требует всестороннего рассмотрения как юристов и инженеров, так и психологов, ведь не каждый человек способен резко адаптироваться к таким серьёзным изменениям в укладе жизни общества. Двойственный статус роботов на сегодняшний день вызывает сомнение [Иванов].

Дальнейшее развитие искусственного интеллекта зависит от того, какой вектор развития выберет государство и какой уровень «самостоятельности» предоставит роботам. Ведь чем выше степень автономности машины, тем сложнее отследить лицо, несущее ответственность за причинённый ущерб [Незнамов].

На сегодняшний день существует два варианта развития событий: государство организует благоприятную информационную и экономическую среду для стимулирования скорейшего развития робототехники, либо полностью или частично ограничит самостоятельный статус роботов, использующих технологию искусственного интеллекта.

Так, если государство ограничит использование технологии искусственного интеллекта, определит статус роботов, использующих эту технологию как объектов гражданских прав, то глубокое обновление законодательной базы не потребуется. Более того, такая концепция является жизнеспособной и в нынешних реалиях. Необходимо лишь определить степень ответственности производителей, собственников и владельцев роботов с ИИ.

Напротив, в случае, если государство поддержит концепцию автономности роботов, то возникнет ряд серьезных проблем, связанных правовым регулированием их деятельности в сфере самообучения и осуществлении самостоятельных действий. Безусловно, подобные шаги нельзя делать сиюминутно. Этому процессу должен предшествовать подготовительный этап, позволяющий сформировать правовые конструкции и нормативную базу для новых субъектов гражданских правоотношений.

Одна из последних новостей, касающихся автономных машин гласит о смелом решении Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского парламента. Члены Комиссии подчеркнули необходимость создания особого правового статуса роботов, например, «электронных лиц», которые смогут нести гражданско-правовую ответственность самостоятельно.

Между тем, стоит подчеркнуть, что развитие технологии искусственного интеллекта включает в себя масштабное обновление законодательства не только на национальном, но и на мировом уровне. При этом, все большую актуальность приобретает дискуссия о том, кому принадлежит право собственности на произведения, созданные роботами с искусственным интеллектом, работающим в крупной компании?

В соответствии с п. 1 ст. 1259 части четвертой Гражданского кодекса РФ объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства, а также программы для ЭВМ [Гражданский кодекс РФ, ч. 4 от 18.12.2006 № 230-ФЗ]. Для того, чтобы созданное произведение охранялось авторским правом ему необходимо иметь творческий характер и быть

выраженным в объективной форме. В связи с этим, проведём аналогию с «поведением» искусственного интеллекта. Одним из важнейших признаков ИИ является способность решать творческие задачи подобно человеку, исходя из этого формально можно предположить, что результат работы робота может являться произведением. В соответствии со статьёй 1257 части четвертой Гражданского Кодекса Российской Федерации автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано.

Таким образом, в соответствии с законом, автором произведения науки, литературы и искусства является только человек, в частности гражданин. Исходя из этого можно однозначно сказать, что на современном этапе развития гражданское законодательство явно закрепляет гегемонию человека над машиной.

Если рассмотреть искусственный интеллект с объективной стороны, то он представляет собой определённую программу и физическую оболочку. Физическая оболочка является вещью. В вещном праве существует норма, регулирующая право собственности на вещь, «создаваемую» другой вещью. Речь идет о плодах. В соответствии со ст. 136 ч. 1 ГК РФ плоды, продукция, доходы, полученные в результате использования вещи, независимо от того, кто использует такую вещь, по общему правилу, принадлежат собственнику вещи.

Однако, данная статья создавалась задолго до начала серьёзных разговоров про автономных роботов, поэтому требует детализации и уточнения понятия плоды и продукция, учитывая современную специфику.

Таким образом, к ситуациям, когда ИИ генерирует объекты авторского права, нормы о плодах и иных доходах не применяются, но существует возможность внесения изменений в Гражданский кодекс, необходима адаптация норм о плодах, которая учитывала бы специфику автоматического создания одним результатом интеллектуальной деятельности другого в ходе своего функционирования.

На наш взгляд, на сегодняшнем этапе развития технологии искусственного интеллекта ставит под сомнение истинное авторство робота, хоть его произведения и могут формально отвечать минимальным требованиям к оригинальности. Между тем, в российском законодательстве существует четкое разграничение субъектов гражданских правоотношений, которые могут обладать правосубъектностью. Роботы с ИИ не включены в данный перечень, только физические или юридические лица способны обладать гражданскими правами (в том числе авторским) на имущество, вещи или иные объекты гражданских правоотношений. К тому же первостепенной целью деятельности роботов является удовлетворение потребностей человека, следовательно о волевом характере его действий говорить не приходится.

В заключение, необходимо добавить, что правовой статус Искусственного интеллекта весьма неоднозначен. Буквально каждое уважающее себя государство вырабатывает собственную, особенную стратегию развития в сфере робототехники и только недавно проблема вышла на мировое обсуждение. В этом ключе, Российской Федерации необходимо выработать и наладить свою законодательную базу, регулиующую правовой статус искусственного интеллекта, применение роботов в экономической деятельности, а также определяющую их правовой статус в виде объекта гражданских правоотношений, поскольку использование роботов с ИИ является важным звеном в процессе цифровой трансформации предпринимательства современной России.

ГЛАВА 3. ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

3.1. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОМУ ПРЕДПРИЯТИЮ.

На сегодняшний день, сложилось большое количество предпосылок к качественному изменению существующей модели организации деятельности предприятия. Ускоренное внедрение информационных систем в деловой оборот способствует появлению новых форм ведения бизнеса.

К примеру, не так давно широкое распространение получила идея замены физически заполняемого бумажного договора на электронный. Безусловно, такой шаг будет отвечать современным запросам общества, однако без должной проработки этого вопроса и подготовки правового поля невозможно эффективное внедрение нового вида договора в гражданский оборот.

Вместе с тем, в 2018 году в майском Указе Президента Российской Федерации была отмечена важность внедрения гражданского оборота на базе цифровых технологий.

В рамках Указа, и принятых на основании него, Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», Правительство Российской Федерации приступило к работе над решением задачи по внедрению гражданского оборота на базе цифровых технологий.

В Проекте отмечена целесообразность разработки и принятия федерального нормативного правового акта, устанавливающего статус не только сделок, совершаемых в письменной, но и в электронной форме. Также в Проекте содержится расшифровка задачи по созданию условий для формирования сферы электронного гражданского оборота, она состоит в определении совершаемых в

письменной или электронной форме сделок, автоматизированных «самоисполняемых» договоров, а также в разработке процедур хранения электронных документов, создания и использования электронных копий (электронных образов) бумажных документов.

Подобные шаги уже предпринимаются в Российской Федерации. Крупные компании, такие как Альфа-банк, «Газпромнефть-Аэро», авиакомпания S7 Airlines заключают электронные договоры в пилотных (тестовых) режимах, с целью применения накопленных знаний и технических возможностей, к первичному внедрению смарт-контрактов в правовое поле.

Эти примеры показывают заинтересованность бизнес-сообщества в практическом применении цифровых технологий.

На сегодняшний день термин «цифровое предприятие» не имеет однозначного определения ни в нормативных актах, ни в научном сообществе как в сфере экономических, так и юридических наук. Еще только предстоит осмыслить правовую природу и экономическую роль подобной конструкции.

Впервые основные черты «цифрового предприятия» были описаны еще в 1996 году Н. Негропонте, директором MIT Media Lab Массачусетского технологического университета, в книге Being Digital [Negroponte]. В ней он описал как должна развиваться современная компания, какие возможности предоставляет научно-технический прогресс для предпринимателей.

В первую очередь, цифровое предприятие должно основывать свою деятельность на самых свежих технологических решениях, частности компьютерные технологии и средства глобальной телекоммуникации (интернет).

Во-вторых, цифровое предприятие должно активно следить за изменением спроса на рынке и предлагать тот продукт, который в наибольшей степени подойдет клиенту.

В-третьих, деятельность цифрового предприятия не должна быть «скованной», основанной на единственном продукте, без вариаций его

применения и внедрения в новые сферы деятельности – так называемая «гибкость» предпринимательства.

Также, Н. Негропонте отметил важность формирования стратегического управления компанией, с целью поддержания положительного экономического эффекта, достигаемого посредством цифровых технологий. По его мнению, традиционная компания превращается в компанию с «цифровым мышлением», проходя путь цифровой трансформации.

Современные ученые также разнятся во мнениях что такое «цифровое предприятие». Так, например, по мнению А. Мельниковой, цифровое предприятие — «это организация, способная быстро адаптироваться к быстро меняющимся окружающим условиям, в том числе на основе проактивного прогноза развития ситуации в будущем» [Интервью TAdviser ...].

Как подчеркивает Е. Семеновская, реализация модели «цифрового предприятия» базируется на технологических инновациях последних лет, среди которых нужно в первую очередь выделить облачные вычисления, большие данные, мобильность и социальные сети [Big & Fast Data: ...].

На наш взгляд, для становления цифрового предприятия необходимо внедрение новых моделей ведения бизнеса, основанных на оперативном анализе и систематизации большого количества информации, формировании гибкой бизнес-стратегии, позволяющей с минимальными рисками приспосабливаться к меняющимся рыночным условиям. Кроме того, для эффективной работы цифровое предприятие не должно находиться в информационном вакууме, для этого необходима разработка единого цифрового пространства для предпринимателей и органов государственной власти, целью такой системы будет являться развитие частно-государственного партнерства.

В связи с эти, предлагаем свое определение «цифрового предприятия», под которым стоит понимать организацию, основанную на принципе частно-государственного партнерства, осуществляющую свою деятельность на базе информационно-коммуникационных технологий, имеющую внутреннюю цифровую систему, подключенную к единой государственной цифровой среде,

позволяющую оперативно проводить реорганизацию технологических процессов и иные управленческие решения, в соответствии с целями ее деятельности, предусмотренными в ее учредительных документах.

Между тем, темпы перехода к «цифровому предприятию» зависят не только от бизнес-сообщества. Ключевую роль в этом процессе играет государство. Именно работа государственных органов по обновлению действующего законодательства и модификации информационной инфраструктуры имеет ключевое значение. Стоит отметить, что работа в этом направлении ведется не первый год и уже есть результаты. Принят ряд важных федеральных законов, в том числе регламентирующих статус электронных (самоисполняемых) договоров; порядок использования и обеспечения защиты персональных данных граждан; определение состава сведений, составляющих коммерческую тайну и порядок ее передачи третьим лицам и некоторые другие.

Помимо этого, не стоит забывать, что процесс цифровизации предпринимательской деятельности имеет трансграничный характер и распространяется на большинство стран мира. В связи с этим, необходима комплексная работа по разработке и обновлению международных соглашений, обеспечивающих безопасность личных данных и коммерческой информации предпринимателей и их клиентов, осуществляющих деятельность посредством цифровых средств коммуникации. К сожалению, на сегодняшний день нет единой концепции взаимодействия международных организаций в цифровой среде, также отсутствует и техническая база. Отдельные государства, например, Франция и Великобритания, формируют свои подходы к данному вопросу на национальном уровне, но уже очевидно, что все большую актуальность приобретает международная кооперация, для совместного преодоления проблем цифровизации предпринимательской сферы общественных отношений.

В заключение, стоит сказать, что модель «цифрового предприятия» до конца еще не сформировалась. Однако, уже сейчас можно сказать, что организации, основанные на цифровых технологиях, будут иметь большую перспективу для дальнейшего развития. Стоит заметить, что Российская

Федерация далеко не на последнем месте на пути к цифровой трансформации бизнес-сообщества. Благодаря государственной поддержке и личным инициативам предпринимателей формируется база для качественного перестроения экономики страны. Однако, важной составляющей для дальнейшего развития является международное сотрудничество по вопросам формирования интернациональной цифровой среды.

3.2. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ МАЙНИНГА И ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ

В развитых странах мира сформировались различные подходы к вопросу определения правового статуса криптовалюты и ее майнинга (в переводе с английского mining – добыча). Так, например в Германии криптовалюту, в частности Bitcoin, признали в качестве финансового инструмента. Благодаря этому криптовалюта стала средством обмена, ее можно передавать, хранить и торговать ею в электронном виде. В Японии, например, криптовалюта стала электронным платежным средством, с которого взимается налог с каждой покупки.

Несколько другого подхода придерживается Китай. Операции с криптовалютой для банковского сектора запрещены, но для физических лиц ограничение отсутствует. Это связано с тем, что в Китае существует большой кластер майнеров – лиц, осуществляющих создание блоков программного кода, являющихся основой для новой криптовалюты.

Между тем, в странах СНГ также предпринимаются шаги к легализации экономической ценности криптовалют и их майнинга. Так, Президентом Республики Беларусь 21 декабря 2017 года был принят Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики», который послужил основой для создания ядра правовой базы по развитию криптоиндустрии в Республике Беларусь [Декрет Президента Республики Беларусь...]. В первую очередь этот документ направлен на развитие Парка высоких технологий, находящегося в городе Минск. На территории Парка сформированы льготные условия, в том числе и экономические, которые направлены на повышение эффективности разработки информационных систем, активного привлечения инвестиций от международных организаций, а также установлению международного делового сотрудничества в области цифровых технологий.

В Российской Федерации другой путь развития. До 2017 года на законодательном уровне отсутствовали какие-либо наработки в сфере легализации криптовалюты и майнинга, при этом оборот криптовалюты в стране ничем не был ограничен. После того, как Парк высоких технологий в Республике Беларусь показал свою эффективность в сегменте экспорта высоких технологий, в России начались дискуссии по вопросу определения правового статуса криптовалюты в экономическом пространстве страны.

В начале 2018 года на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации был внесен Законопроект № 373645-7 «О системе распределенного национального майнинга» (далее – Законопроект № 373645-7) [Законопроект № 373645-7...], но в скором времени он был возвращен субъекту права законодательной инициативы для выполнения требований Конституции РФ и Регламента Государственной Думы, ввиду отсутствия заключения Правительства РФ.

Законопроектом № 373645-7 планировалось ввести понятие «майнинг», под которым следовало понимать предпринимательскую деятельность, направленную на поддержание распределенного реестра цифровых транзакций и генерацию новых блоков цифровых финансовых активов с возможностью получать вознаграждение в форме новых единиц и/или комиссионных сборов. Помимо этого, в законопроекте устанавливалось понятие «майнер» - физическое лицо, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, осуществляющее майнинг.

Стоит отметить, что на сегодняшний день легальное определение «майнинг» в нормативных актах Российской Федерации не существует. Это обстоятельство порождает большое количество дискуссий в научном сообществе. Большинство ученых связывают определение майнинга с понятием блокчейна.

Например, Е.И. Щедрина указывает, что «майнинг — это создание криптовалют по специальному алгоритму. При этом в компьютере генерируется уникальный набор данных (также называемый блоком), который подтверждает

достоверность платежных транзакций. Блок состоит из хеша заголовка предыдущего блока, хеша транзакций и случайного числа» [Щедрина, т. 1, с. 327].

По мнению А.Г. Гаврилова и И.Ю. Арзиной, «майнинг — это способ получения новых блоков (монет) криптовалюты посредством решения компьютером определенных криптографических, математических и других видов вычислений. Это приносит определенное количество электронных денег, которые вносятся в общую копилку и регистрируются в публичной «бухгалтерской книге» (blockchain)» [Гаврилов, Арзина, т. 2, с. 356].

И.В. Ершова и Е.В. Трофимова делают вывод о том, что майнинг – это один из новых видов предпринимательства, вызванный к жизни потребностями цифровой экономики. Они считают целесообразным признать субъектов, осуществляющих майнинг самозанятыми лицами. В то же время, по их мнению, остро стоит вопрос о мерах государственного регулирования в современных реалиях. При этом, майнинг является лишь одним из элементов системы отношений, возникающих в связи с использованием системы блокчейн бизнес-сообществом, обществом и государством, механизмы регулирования которого должны не только обеспечивать стабильность финансовой системы, но и противодействовать легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, а также защищать права пользователей информационных технологий [Ершова, Трофимова, 2019, с. 73-82].

Безусловно, деятельность по осуществлению майнинга криптовалюты можно охарактеризовать как предпринимательскую, поскольку она осуществляется субъектом самостоятельно, с некоторым риском, в конечном итоге позволяет получить прибыль от использования вычислительной техники. В связи с этим, можно прийти к выводу, что майнинг это одно из перспективных направлений предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики.

Между тем, с 1 января 2021 года вступил в силу ФЗ «О ЦФА», который внес легальное определение цифровой валюты. По своим признакам цифровая

валюта похожа на криптовалюту, однако существуют мнения, что криптовалюта является лишь разновидностью цифровой валюты, не имеющей централизованного управления и не принадлежащей конкретному государству.

В этой связи, очевидно, что институт цифровой валюты имеет многогранный характер, отличающийся от традиционных денежных средств своей цифровой природой, поэтому органы государственной власти предпринимают осторожные шаги по определению правового и экономического статуса так называемой «криптовалюты».

Согласно положениям статьи 14 ФЗ «О ЦФА» в Российской Федерации запрещено обращение цифровой валюты в качестве платежного средства за покупку товаров, работ или услуг. При этом, законодатель допускает совершение гражданско-правовых сделок или операций, влекущих за собой переход цифровой валюты от одного обладателя к другому. Таким образом, цифровая валюта вполне может использоваться как инструмент инвестиционной деятельности предприятия.

Однако, одним из сдерживающих факторов в применении цифровой валюты в предпринимательской деятельности является ее материальная необеспеченность, поскольку ее курс определяется рыночными условиями и может быть нестабильным. Криптовалюта, в отличие от национальных валют, подкрепляется математическими алгоритмами генерации новых монет и начинается с поиска криптографического кода, так называемого майнинга [Егорова, с. 55].

Но существуют и исключения. К примеру, 20 февраля 2018 г. Правительством Венесуэлы начался выпуск государственной криптовалюты - петро, которая, по словам президента страны, обеспечена запасами нефти, бензина, золота и алмазов [Блажеев, Егорова, с. 368].

На наш взгляд, органичного использования криптовалюты в цифровой среде государства можно достичь лишь комплексной работой по дополнению действующего законодательства правовыми конструкциями, регулируемыми правовой статус криптовалюты как особого вида цифровой валюты, обновлению

информационного пространства (использование смарт-контрактов и Больших данных), объединению существующей бизнес-инфраструктуры с цифровой экосистемой.

Таким образом, государственное регулирование цифровых технологий в Российской Федерации, включая майнинг криптовалют, на сегодняшний день находится в начальной стадии формирования. Эффективность интеграции цифровых технологий с предпринимательской деятельностью во многом зависит от последующих действий законодателя. С одной стороны, государство может стимулировать развитие предпринимательской деятельности в области майнинга криптовалют. В этом случае могут увеличиться налоговые поступления в федеральный бюджет, что стабилизирует экономический рост страны. Однако, с другой стороны, государство может пойти по пути ограничения производства и оборота криптовалюты на территории Российской Федерации, что может привести к негативным последствиям, как например, замедление роста экономики или нарастание отставания в развитии цифровой среды. В обоих случаях положительные или отрицательные процессы окажут существенное воздействие на предпринимательское сообщество, поэтому органам государственной власти России необходимо выработать единый план развития цифровой трансформации предпринимательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершении работы, стоит отметить, что цифровая трансформация предпринимательской деятельности является частью глобального процесса цифровизации, охватывающего без преувеличения все сферы жизни общества. В условиях перехода государства к цифровому экономическому пространству, повсеместного внедрения инновационных технологий в производственные процессы, формируются новые модели ведения бизнеса.

Анализ исторического пути становления и развития предпринимательства в России, показывает, что отечественное предпринимательство прошло несколько переломных этапов, в короткие сроки изменивших вектор дальнейшего развития экономики и страны в целом (своеобразные трансформации). В этой связи, можно сказать, что Россия находится перед очередным этапом трансформации – интеграции цифровых технологий в предпринимательскую деятельность. Важную роль в этом процессе играет обновляющееся правовое регулирование предпринимательской деятельности, поскольку именно законодательная база и практика ее применения формирует основы осуществления предпринимательской деятельности, очерчивает круг возможностей предпринимателя, а также отражает уровень правового и экономического развития государства.

Несмотря на то, что в Российской Федерации существует большое количество нормативных актов, регулирующих предпринимательскую деятельность, сохраняется эффект правового вакуума, когда отсутствуют правовые нормы, которые должны регламентировать не урегулированные, но нуждающиеся в правовой регламентации вновь возникшие общественные отношения. По большей части это связано с быстрым переходом общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности к цифровому и инновационному укладу.

Проведенный сравнительный анализ зарубежных государственных механизмов по поддержке предпринимательской деятельности в различных

экономико-правовых системах показывает, что практически все современные развитые государства стремятся поддержать внедрение новых плодов научно-технического прогресса в свое экономическое пространство. В связи с чем, широкое содействие получают предприниматели, активно применяющие в своей деятельности цифровые и инновационные технологии.

В современной правовой действительности возникает большое количество вызовов, связанных с появлением новых правовых институтов, которые по своей правовой природе отличаются от традиционных гражданско-правовых конструкций.

В ходе исследования определены несколько наиболее перспективных направлений цифровой трансформации предпринимательства, которые нуждаются в правовом регулировании. К ним можно отнести Большие данные, которые имеют нематериальный характер, но при этом, несут в себе существенную экономическую ценность. Большие данные могут существовать только в цифровой системе, это означает, что ценность данного нематериального актива не связана с формой его выражения, а кроется в его содержании – самой информации. Учитывая практическую полезность массива информации, содержащегося в Больших данных, и возрастающий спрос на использование таких систем, в том числе в бизнес-сообществе, стоит рассматривать Большие данные в качестве особого вида цифрового актива, представляющего систематизированный массив информации, выраженной в двоичном коде.

Кроме того, еще одним перспективным направлением развития предпринимательской деятельности является применение смарт-контрактов при заключении сделок. В рамках исследования проведен анализ сущности смарт-контракта, благодаря чему удалось выявить его отличительные особенности от электронной формы договора. В то время как электронная форма договора это лишь форма выражения письменного документа, копирующего информацию, содержащуюся на бумажном носителе, смарт-контракт имеет абсолютно иную конструкцию. Он представляет собой программный код, обеспечивающий автоматическое исполнение его условий.

Анализируя отечественный и зарубежный опыт применения смарт-контракта в предпринимательской деятельности, удалось установить положительную динамику. Так, в результате применения смарт-контрактов в крупных компаниях было отмечено повышение скорости расчетов между сторонами сделки, а также были минимизированы финансовые риски, поскольку отпала необходимость во внесении предоплаты или, например, установлении банковской гарантии.

Использование смарт-контракта в российском гражданском обороте, может стать важным этапом на пути формирования цифровой экономики. Современные технологии дают возможность вывести предпринимательскую деятельность на новую ступень развития, повысив уровень качества и прозрачность договоров. Однако, остается проблема малой урегулированности института смарт-контракта, ввиду его новизны и сравнительно недавнего использования.

В условиях цифровизации экономики предпринимательское-сообщество получило возможность создавать новые инструменты, позволяющие более эффективно осуществлять свою деятельность. К таким можно отнести технологию искусственного интеллекта. В этой связи возникает проблема определения авторства произведений или продукции, изготовленной роботом с искусственным интеллектом. В ходе исследования установлено, что на сегодняшнем этапе развития технологии искусственного интеллекта истинное авторство робота вызывает сомнения, хотя его произведения и могут формально отвечать минимальным требованиям к оригинальности. Между тем, в российском законодательстве существует четкое разграничение субъектов гражданских правоотношений, которые могут обладать правосубъектностью. Роботы с искусственным интеллектом не включены в данный перечень, только физические или юридические лица способны обладать гражданскими правами на имущество, вещи или иные объекты гражданских правоотношений. К тому же первостепенной целью деятельности роботов является удовлетворение потребностей человека, следовательно о волевом характере его действий

говорить не приходится. В то же время, правовой статус искусственного интеллекта в теории весьма неоднозначен. Буквально каждое уважающее себя государство вырабатывает собственную, особенную стратегию развития в сфере робототехники и только недавно проблема вышла на мировое обсуждение. В этом ключе Российской Федерации необходимо выработать и наладить свою законодательную базу, регулиующую правовой статус искусственного интеллекта, применение роботов в экономической деятельности, а также определяющую их правовой статус в виде объекта гражданских правоотношений (на данном этапе – только объекта), поскольку использование роботов с искусственным интеллектом является важным звеном в процессе цифровой трансформации предпринимательства современной России.

Используя инновационные технологии, отечественные предприятия могут выйти на качественно новый уровень организации – цифровое предприятие. Уже сейчас можно сказать, что организации, основанные на цифровых технологиях, будут иметь большую перспективу для дальнейшего развития. Однако, важной составляющей для дальнейшего развития является международное сотрудничество по вопросам формирования интернациональной цифровой среды.

Государственное регулирование использования цифровых технологий в Российской Федерации, включая майнинг криптовалют, является важным звеном в большом процессе цифровизации экономики. Эффективность интеграции цифровых технологий с предпринимательской деятельностью во многом зависит от последующих действий законодателя. С одной стороны, государство может стимулировать развитие предпринимательской деятельности в области майнинга криптовалют. В этом случае могут увеличиться налоговые поступления в федеральный бюджет, что стабилизирует экономический рост страны. Однако, с другой стороны, государство может пойти по пути ограничения производства и оборота криптовалюты на территории Российской Федерации, что может привести к негативным последствиям, как например, замедление роста экономики или нарастание отставания в развитии цифровой

среды. В обоих случаях положительные или отрицательные процессы окажут существенное воздействие на предпринимательское сообщество, поэтому органам государственной власти России необходимо выработать единый план развития цифровой трансформации предпринимательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.03.2022).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г.: по состоянию на 25.02.2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть четвертая от 18 декабря 2006 г.: по состоянию на 16.06.2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496.

4. О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон № 101-ФЗ: от 15 июля 1995 г.: по состоянию на 08.12.2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995, № 29. Ст. 2757.

5. Об акционерных обществах: Федеральный закон № 208-ФЗ: от 26 декабря 1995 г.: по состоянию на 25.02.2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.

6. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон № 39-ФЗ: от 22 апреля 1996 г.: по состоянию на 16.04.2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.

7. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон № 127-ФЗ: от 26 октября 2002 г.: по состоянию на 03.02.2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

8. О рекламе: Федеральный закон № 38-ФЗ: от 13 марта 2006 г.: по состоянию на 16.04.2022 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон № 149-ФЗ: от 27 июля 2006 г.: по состоянию на 30.12.2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть 1). Ст. 3448.

10. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон № 99-ФЗ: от 04 мая 2011 г.: по состоянию на 30.12.2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716.

11. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 259-ФЗ: от 02 августа 2019 г.: по состоянию на 31.07.2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 31. Ст. 4418.

12. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 259-ФЗ: от 31 июля 2020 г.: по состоянию на 31.07.2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (часть 1). Ст. 5018.

13. О развитии малого и среднего предпринимательства в Тюменской области: Закон Тюменской области № 18: от 05 мая 2008 г.: по состоянию на 02.06.2020 г. // Парламентская газета «Тюменские известия». 2008. № 79.

14. О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации: указ Президента РФ от 04 апреля 1996 г., № 491: ред. от 06.01.1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 15. Ст. 1583.

15. О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства: указ Президента РФ от 05 июня 2015 г., № 287: ред. от 05.06.2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 23. Ст. 3306.

16. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: указ Президента РФ от 09 мая 2017 г., № 203:

ред. от 09.05.2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

17. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 07 мая 2018 г., № 204: ред. от 21.07.2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018, № 20. Ст. 2817.

18. Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приказ Минкомсвязи России от 01 августа 2019 г., № 428: ред. от 01.08.2018 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: локальная сеть ТюмГУ.

2. Нормативные источники зарубежных стран

19. О развитии цифровой экономики: декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г., № 8: ред. от 21.12.2017 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716> (дата обращения 23.06.2022).

20. О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных): регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 27 апреля 2016 г., № 2016/679: ред. от 27.04.2016 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Режим доступа: локальная сеть ТюмГУ.

3. Специальная литература

21. Агеев А.И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры: монография. 1-е изд. Москва: Наука. 1991. 5 с.

22. Алтухов А.В., Кашкин С.Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86 - 94.

23. Бовыкин В. И. Предпринимательство и предприниматели России: от истоков до начала XX века // Российская политическая энциклопедия. Москва: Росспэн. 1997. 153 с.

24. Галаган А.А. История российского предпринимательства: монография. Москва: Институт Молодежи. 1997. 24 с.

25. Гаврилов А.Г., Арзина И.Ю. Майнинг криптовалюты // Аллея науки: научно-практический электронный журнал. 2017. Т. 2. № 16. 356 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32370935&ysclid=l4r397bx41476799938> (дата обращения: 23.06.2022).

26. Гонгало Б.М., Новоселова Л.А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. Москва: Статут. 2019. № 2. 188 с.

27. Головкин Р.Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института: научно-образовательный журнал. Владимирский юридический институт ФСИН России. 2019. № 2 (51). 165 с.

28. Егорова М.А. Проблемы соотношения и правового регулирования криптовалюты, биткоина, цифровой и виртуальной валюты: российский и зарубежный опыт // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА): научный юридический журнал. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 2 (66). 55 с.

29. Ершова И.В., Трофимова Е.В. Майнинг и предпринимательская деятельность: в поисках соотношения // Актуальные проблемы российского права: научно-практический юридический журнал. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 6 (103). С. 73 - 82.

30. Иванов А. Мечтают ли андроиды об электроовцах? // Закон.ру: [сайт]. 2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/2/15/mechtayut_li_androidy_ob_elektroovcah (дата обращения: 23.06.2022).

31. Интервью TAdviser с генеральным директором СберТеха Алисой Мельниковой от 14.04.2017 // Новостное агентство TAdviser: [сайт]. 2017. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интервью_TAdviser_с_генеральным_директором_СберТеха_Алисой_Мельниковой (дата обращения: 23.06.2022).

32. Дюков Л.В., Егоров Ю.А., Кульчицкий В.С. и др. История отечественного государства и права. Часть 1: учебник для вузов по специальности «Правоведение». Москва: Юристъ, 2005. 119 с.

33. Кутьина Г.А., Мулукаев Р.С., Новицкая Т.Е. и др. История отечественного государства и права. Часть 2: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция». Москва: Юристъ, 2005. 57 с.

34. Камышанский В.П. О цифровой технологии и цифровом праве // Власть Закона: научно-практический журнал. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права. 2019. № 1. 15 с.

35. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва. 2019. 15 с.

36. Ключевский В.О. Сочинения. Том 1. Москва: Мысль. 1988. 168 с.

37. Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон: академический журнал. Москва: Издательская группа «Закон». 2018. № 2. С. 69 – 89.

38. Незнамов А.В. Новые законы робототехники: как в Европе регулируют права роботов // Популярная механика: [сайт]. 2017. URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/379112-novye-zakony-robototehniki-kak-v-evrope-reguliruyut-prava-robotov/>? (дата обращения 23.06.2022).

39. Новосёлова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право: ежемесячный юридический журнал. Москва: Издательская группа «Юрист». 2017. № 12. 32 с.

40. Рожкова М.А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым // Закон.ру: [сайт]. 2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 23.06.2022).

41. Руденко Е.Ю. К вопросу о понятии цифровых прав как объектов гражданских правоотношений // Гражданское право: федеральный научно-практический журнал. Москва: Издательская группа «Юрист». 2021. № 4. С. 7-10.

42. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права: научно-практический журнал. Москва: Издательский дом В. Ема. 2016. № 3. 40 с.

43. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон: академический журнал. Москва: Издательская группа «Закон». 2018. № 9. С. 86 - 95.

44. Скворцов Д.И. Смарт-контракты в системе договорного права РФ // Информационное издание «Инвест-Форсайт»: [сайт]. 2018. URL: <https://www.if24.ru/smart-kontrakty-v-sisteme-dogovornogo-prava-rf/> (дата обращения: 23.06.2022).

45. Смарт-революция: «Газпромнефть-Аэро» внедряет смарт-контракты на основе технологии блокчейн // Информационное издание «Сибирская нефть»: [сайт]. 2018. URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2018-october/1986863/> (дата обращения: 02.04.2022).

46. Сорокина О.Н. Чем смарт-контракт лучше нотариуса // Информационное издание «Ведомости»: [сайт]. 2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/01/26/749041-smart-kontrakt-luchshe-notariusa> (дата обращения: 23.06.2022).

47. Сулова С.И., Филатова У.Б. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России // Пролог: журнал о праве: электронный юридический журнал. Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 2019. № 2. 11 с.

48. Терещенко Т. Что думает законодатель о больших пользовательских данных? // Закон.ру: [сайт]. 2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/10/27/что_dumaet_zakonodatel_o_bolshih_polzovatelski_h_dannyh? (дата обращения 23.06.2022).

49. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории отечественного государства и права России: учебное пособие. 1-е изд. Москва: Проспект. 1997. С. 149 – 150.

50. Блажеев В.В., Егорова М.А. Цифровое право: учебник. Москва: Проспект, 2020. 368 с.

51. ФАС в СМИ: на форуме «За честные закупки» обсудят смарт-контракты и блокчейн-технологии // Федеральная антимонопольная служба [сайт]: URL: <https://fas.gov.ru/publications/14342> (дата обращения 23.06.2022).

52. Фомина О. Н. Понятие и признаки предпринимательской корпорации в США и акционерного общества в Российской Федерации // Законодательство: юридический практический журнал. Москва: Фонд «Правовая поддержка». 2010. № 5. С. 79–87.

53. Шестакова Е.В. Цифровое право. Москва: Право Доступа. 2020. Гарант: справочно-правовая система. Режим доступа: локальная сеть ТюмГУ.

54. Щедрина Е.И. Криптовалюта как новый специфический вид денег // Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее: сборник научных статей Всероссийской научной конференции. Курск: Юго-Западный государственный университет. 2018. Том 1. 327 с.

55. Big & Fast Data: The Rise of Insight-Driven Business. // [сайт]. URL: <https://www.capgemini.com/resources/big-fast-data-the-rise-of-insight-driven-business/> (дата обращения: 23.06.2022).

56. Dholakia N., Reyes I. Virtuality as place and process // Journal of Marketing Management: журнал. 2013. Том 29. № 13-14. С. 1580–1591.

57. Galar D., Kans M., Schmidt B. Big data in asset management: Knowledge Discovery in asset data by the means of data mining // Proceedings of the 10th World Congress on Engineering Asset Management (WCEAM 2015). Springer, Cham, 2016; Whyte J., Stasis A., Lindkvist C. Managing change in the delivery of complex projects: Configuration management, asset information and «big data» // International Journal of Project Management: международный журнал управления проектами. 2016. Том 34. № 2. С. 339–351.

58. Nicholas Negroponte Being Digital // [сайт]. URL: <http://governance40.com/wp-content/uploads/2018/12/Nicholas-Negroponte-Being-Digital-Vintage-1996.pdf> (дата обращения: 23.06.2022).

59. Mathis B. Quand l'Italie tente à son tour de légiférer sur la blockchain // [сайт]: URL: <https://www.actualitesdudroit.fr/browse/tech-droit/blockchain/19530/quand-l-italietente-a-son-tour-de-legiferer-sur-la-blockchain> (дата обращения 23.06.2022).

60. Ooijen I. van Vrabec Helena U. Does the GDPR Enhance Consumers' Control over Personal Data? An Analysis from a Behavioural Perspective // Journal of Consumer Policy: журнал потребительской политики. 2019. Том. 42. № 1. С. 91–107. URL: <https://doi.org/10.1007/s10603-018-9399-7> (дата обращения 23.06.2022).

61. Szabo N. The Idea of Smart Contracts // [сайт]: URL.: <https://nakamotoinstitute.org/the-idea-of-smart-contracts/> (дата обращения 23.06.2022).

4. Материалы правоприменительной практики и иные документы

62. «Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» от 04 июня 2019 г.: по состоянию на 09.07.2019 г. // [сайт]: URL: <https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/material/Паспорт-национальной-программы-Цифровая-экономика.pdf> (дата обращения 23.06.2022).

63. «Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» по состоянию на 02 ноября 2021 г. // [сайт]: URL: <https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/material/Pasport-federalnogo-proekta-Normativnoe-regulirovanie-cifrovoy-sredy.pdf> (дата обращения 23.06.2022).

64. Законопроект № 373645-7 «О системе распределенного национального майнинга» // Система обеспечения законодательной деятельности [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/373645-7> (дата обращения: 23.06.2022).

65. Закон РСФСР от 25 декабря 1990 № 445 – 1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности»: утратил силу // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. N 30. Ст. 418, 419.

66. Закон РСФСР от 3 июля 1991 года № 1531 – 1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР»: утратил силу // ВСНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. N 27. Ст. 927.